Информация для цитирования:

Тарасенко О. А. Формирование доктрины и законодательства о правовых режимах банковской деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 51. С. 105–132. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-105-132.

Tarasenko O. A. *Formirovanie doktriny i zakonodatel'stva o pravovykh rezhimakh bankovskoy deyatel'nosti* [Formation of the Doctrine and Legislation on Legal Regimes of Banking]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 51. Pp. 105–132. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-105-132.

УДК 346.62

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-105-132

ФОРМИРОВАНИЕ ДОКТРИНЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРАВОВЫХ РЕЖИМАХ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16079
«Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России»

О. А. Тарасенко

Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: olga201175@gmail.com

Поступила в редакцию 11.11.2020

Введение: в статье представлены результаты критического анализа современного состояния теории и законодательства о правовых режимах банковской деятельности. **Цель:** построение перспективного, конкурентного правового контура деятельности российских кредитных организаций в ординарных и экстраординарных правовых режимах, а также для повышения уровня доступности банковских услуг в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе; развитие теории правовых режимов предпринимательской и банковской деятельности. **Методы:** методы анализа, синтеза, обобщения, индукции и дедукции, классификации, интерпретации, исторический, сравнительный, компаративистский, статистический методы, логические приемы определения объема и содержания понятий; толкование закона и права. **Результаты:** предложены идеи в развитие формирующейся доктрины правовых режимов предпринимательской деятельности в целом и банковской деятельности в частности: аргументируется отказ от категории «общий правовой режим предпринимательской деятельности», обосновывается деление правовых режимов по критерию юридических свойств на ординарные и экстраординарные правовые режимы с их дальнейшей дифференциацией по сфере (или субъектам) бизнеса, целям и инициатору введения, полноте качества режима, добровольности или обязательности участия в нем субъектов предпринимательства, влиянию режима на объем правоспособности, территории распространения правового режима и срока его действия. Внесены предложения о совершенствовании регуляторных окон базового правового режима банковской деятельности и надстроечных правовых режимов – экспериментального, санкционного режимов и режима повышенной

© Тарасенко О. А., 2021

Information for citation:

Tarasenko O. A. *Formirovanie doktriny i zakonodatel'stva o pravovykh rezhimakh bankovskoy deyatel'nosti* [Formation of the Doctrine and Legislation on Legal Regimes of Banking]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 51. Pp. 105–132. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-105-132.

Tarasenko O. A. Формирование доктрины и законодательства о правовых режимах банковской деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 51. С. 105–132. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-105-132.

UDC 346.62

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-105-132

FORMATION OF THE DOCTRINE AND LEGISLATION ON LEGAL REGIMES OF BANKING

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-29-16079
‘Digital economy: conceptual framework of legal regulation of business in Russia’

O. A. Tarasenko

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: olga201175@gmail.com

Received 11.11.2020

Introduction: the article presents the results of a critical analysis of the current state of theory and legislation on the legal regimes of banking. **Objectives:** to build a competitive legal framework for the operation of Russian credit institutions in ordinary and extraordinary legal regimes; to increase the availability of banking services in the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol; to develop the theory of legal regimes of entrepreneurial activities and banking. **Methods:** the methodological framework of this study is a set of scientific methods where the main ones are the methods of analysis, synthesis, generalization, induction and deduction, classification, interpretation, historical, comparative, statistical methods, logical methods of determining the scope and content of concepts; interpretation of law. **Results:** the author offers ideas contributing to the emerging doctrine of legal regimes of entrepreneurial activities in general and banking in particular: the paper provides arguments in favor of abandoning the category ‘general legal regime of entrepreneurial activities’; it substantiates the differentiation of legal regimes based on their legal properties into ordinary and extraordinary, with their further differentiation by business areas (or business entities), objectives and the initiator of introducing, regime quality completeness, voluntary or compulsory involvement of business entities, the impact on the business legal capacity, the territory of the legal regime and its validity. There are made numerous proposals aiming to improve the regulatory windows of the basic legal regime of banking and superstructural legal regimes – experimental, sanction and high-alert regimes. **Conclusions:** the theory of banking legal regimes has not yet been developed, which prevents creating an appropriate, efficient legislative system; active theoretical conceptualization and legislative improvement of all banking legal regimes are required.

Keywords: legal regime; business operations; banking; ordinary; extraordinary; experimental; special legal regimes; sanctions regime; high-alert regime

© Tarasenko O. A., 2021

готовности. **Выводы:** теория правовых режимов банковской деятельности до настоящего времени не сформирована, что не позволяет создать соответствующую эффективную систему законодательства; необходимы активное теоретическое осмысление и законодательное совершенствование всех правовых режимов банковской деятельности.

Ключевые слова: правовой режим; предпринимательская деятельность; банковская деятельность; ординарный, экстраординарный, экспериментальный, специальный правовой режим; санкционный режим; режим повышенной готовности

**FORMATION OF THE DOCTRINE AND LEGISLATION ON
LEGAL REGIMES OF BANKING**

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-29-16079
‘Digital economy: conceptual framework of legal regulation of business in Russia’

О. А. Tarasenko

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
E-mail: olga201175@gmail.com

Received 11.11.2020

Introduction: the article presents the results of a critical analysis of the current state of theory and legislation on the legal regimes of banking. **Objectives:** to build a competitive legal framework for the operation of Russian credit institutions in ordinary and extraordinary legal regimes; to increase the availability of banking services in the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol; to develop the theory of legal regimes of entrepreneurial activities and banking. **Methods:** the methodological framework of this study is a set of scientific methods where the main ones are the methods of analysis, synthesis, generalization, induction and deduction, classification, interpretation, historical, comparative, statistical methods, logical methods of determining the scope and content of concepts; interpretation of law. **Results:** the author offers ideas contributing to the emerging doctrine of legal regimes of entrepreneurial activities in general and banking in particular: the paper provides arguments in favor of abandoning the category ‘general legal regime of entrepreneurial activities’; it substantiates the differentiation of legal regimes based on their legal properties into ordinary and extraordinary, with their further differentiation by business areas (or business entities), objectives and the initiator of introducing, regime quality completeness, voluntary or compulsory involvement of business entities, the impact on the business legal capacity, the territory of the legal regime and its validity. There are made numerous proposals aiming to improve the regulatory windows of the basic legal regime of banking and superstructural legal regimes – experimental, sanction and high-alert regimes. **Conclusions:** the theory of banking legal regimes has not yet been developed, which prevents creating an appropriate, efficient legislative system; active theoretical conceptualization and legislative improvement of all banking legal regimes are required.

Keywords: legal regime; business operations; banking; ordinary; extraordinary; experimental; special legal regimes; sanctions regime; high-alert regime

Введение

Правовой режим – тематика, которая в последнее время активно разрабатывается представителями частноправовых наук. Ее актуальность обусловлена несколькими факторами: во-

первых, дифференциация законодательства ввиду развития и усложнения экономических отношений, особенно на фоне процессов цифровизации и глобализации; во-вторых, популяризация политики санкционного давления в отношении Российской Федерации; в-третьих,

Information in Russian

**ФОРМИРОВАНИЕ ДОКТРИНЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ПРАВОВЫХ РЕЖИМАХ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16079
«Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России»

О. А. Тарасенко

Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: olga201175@gmail.com

Поступила в редакцию 11.11.2020

Введение: в статье представлены результаты критического анализа современного состояния теории и законодательства о правовых режимах банковской деятельности. **Цель:** построение перспективного, конкурентного правового контура деятельности российских кредитных организаций в ординарных и экстраординарных правовых режимах, а также для повышения уровня доступности банковских услуг в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе; развитие теории правовых режимов предпринимательской и банковской деятельности. **Методы:** методы анализа, синтеза, обобщения, индукции и дедукции, классификации, интерпретации, исторический, сравнительный, компаративистский, статистический методы, логические приемы определения объема и содержания понятий; толкование закона и права. **Результаты:** предложены идеи в развитие формирующейся доктрины правовых режимов предпринимательской деятельности в целом и банковской деятельности в частности: аргументируется отказ от категории «общий правовой режим предпринимательской деятельности», обосновывается деление правовых режимов по критерию юридических свойств на ординарные и экстраординарные правовые режимы с их дальнейшей дифференциацией по сфере (или субъектам) бизнеса, целям и инициатору введения, полноте качества режима, добровольности или обязательности участия в нем субъектов предпринимательства, влиянию режима на объем правоспособности, территории распространения правового режима и срока его действия. Внесены предложения о совершенствовании регуляторных окон базового правового режима банковской деятельности и надстроечных правовых режимов – экспериментального, санкционного режимов и режима повышенной готовности. **Выводы:** теория правовых режимов банковской деятельности до настоящего времени не сформирована, что не позволяет создать соответствующую эффективную систему законодательства; необходимы активное теоретическое осмысление и законодательное совершенствование всех правовых режимов банковской деятельности.

Ключевые слова: правовой режим; предпринимательская деятельность; банковская деятельность; ординарный, экстраординарный, экспериментальный, специальный правовой режим; санкционный режим; режим повышенной готовности

Introduction

The legal regime is a topic that has been given much attention in private law sciences in recent years. Several factors explain its relevance: firstly, diversification of legislation due to

the development and complication of economic relations, especially against the background of digitalization and globalization processes; secondly, promotion of the policy of sanctions pressure against the Russian Federation; thirdly,

распространение коронавирусной инфекции COVID-19, что потребовало от государства кардинально изменить свой обычный формат функционирования, подгоняя право под новый жизненный уклад.

В фокусе настоящего исследования – анализ режимов, затрагивающих банковский сектор. Принимая во внимание, что деятельность кредитных организаций изначально характеризуется ограничениями и запретами, а также степень цифровизации банковской системы, санкционный прессинг отдельных иностранных государств и их союзов, а также вовлеченность в борьбу с пандемией, мы можем наблюдать в этой сфере предпринимательства практически всю имеющуюся в настоящий момент палитру правовых режимов. Признание ключевой роли банковского сектора в экономической стабильности России привело в последние годы к формированию соответствующей системы правового обеспечения, к созданию национальной платежной инфраструктуры. Однако принятые меры более похожи на «латание дыр», чем на целенаправленное законодательное влияние на протекающие в банковской системе процессы. В этой связи важным представляется, отталкиваясь от результатов науки предпринимательского права, на основе анализа формирующегося законодательства предложить оптимальные подходы к формированию теории и законодательства о правовых режимах банковской деятельности.

Категория «правовой режим» в науке предпринимательского права

Для научных исследований логичным является первоначальный акцент на категориальным аппарате. Поскольку банковская деятельность – разновидность деятельности предпринимательской, постольку резонно начать с базы знаний науки предпринимательского права.

Значительный вклад в исследование правовых режимов предпринимательства внес современный ученый профессор А. А. Мохов. Согласно его определению, **под правовым режимом осуществления предпринимательской деятельности** понимается установленный порядок осуществления предпринимательской деятельности в определенной сфере экономики, характеризующийся особым соче-

танием способов воздействия, направленный на достижение целей и задач социально-экономического развития, обеспечение обороны страны и безопасности государства [15, с. 10]. Развивая теорию **о триаде правовых режимов**, профессор Мохов следующим образом описывает ее применительно к сфере предпринимательства:

Общий правовой режим – это основной бессрочный режим, который применяется к определенной группе общественных отношений.

Специальный правовой режим – это бессрочный или длительный правовой режим, распространяющий свое действие на ограниченный круг субъектов (определенной отрасли либо индивидуальных), по-иному, в сравнении с общим правилом, определяющий их правовое положение. Эта «инакость» вслед за А. В. Малько и А. П. Лиманской трактуется наличием либо особых льгот и преимуществ, либо особых ограничений, выражающихся в дополнительных запретах или позитивных обязательствах [14, с. 121–123].

Особый (экстраординарный) правовой режим вводится на ограниченный период времени при развертывании норм чрезвычайного законодательства [24, с. 64–67]. Режим проявляется в усилении регулирующего воздействия, а также расширении полномочий отдельных органов и должностных лиц.

А. А. Мохов, отмечая тенденцию дальнейшей дифференциации специального и особого правовых режимов, полагает, что к первому из них надлежит отнести *экспериментальный правовой режим* [17, с. 19]; а разновидностями второго являются *режим военного положения*, *режим чрезвычайного положения* и *санкционный режим* [16, с. 20].

Таким образом, профессор Мохов заключает, что **охват действия конкретным правовым режимом определенной группы общественных отношений** является наиболее важным делением, но, кроме того, немаловажно одновременно учитывать период, на который рассчитан определенный правовой режим. Остальные основания для возможных классификаций являются вспомогательными.

В развитие высказанных идей И. В. Ершова и А. Ю. Петраков обосновывают необходимость дополнения специального правового ре-

the spread of COVID-19, which forced the state to radically change the established way of its functioning, adjusting the law to the new pattern of life.

This study is focused on the analyses of the regimes applied in the banking sector. Given the fact that the activities of credit institutions are initially characterized by restrictions and prohibitions, as well as taking into account the degree of digitalization in the banking system, the sanctions pressure on the part of individual world countries and their unions, and the involvement in the fight against the pandemic, we can observe almost all the currently existing legal regimes in this area of business. Recognition of the critical role of the banking sector in the Russian economic stability has recently resulted in the formation of the relevant legal support system and the development of the national payment infrastructure. However, the measures look more like ‘patching holes’ rather than targeted legislative influence on the processes taking place in the banking system. With that in mind, it is crucial to develop optimal approaches to the development of theory and legislation on the legal regimes of banking, which is to be done based on the analysis of emerging legislation and taking into consideration the results of business law science.

The Category ‘Legal Regime’ in Business Law

It is logical in scientific research to initially focus on the categorial framework. Since banking is a type of business activity, it is reasonable to start with the knowledge base of business law science.

A significant contribution to the study of legal regimes of business activities was made by the contemporary scientist, Professor A. A. Mokhov. According to his definition, the **legal regime of business activity** is the established procedure for conducting business activity in a particular area of economy characterized by a specific combination of leveraging methods aimed at achieving the goals and objectives of socio-economic development,

ensuring the national defense and state security [15, p. 10]. Developing the theory of the **triad of legal regimes**, Professor Mokhov describes it in the following way in relation to business activity:

The general legal regime, which is the main regime, not limited in time, that applies to a particular group of social relations.

A special legal regime, which is an unlimited in time or long-term legal regime that covers a limited number of stakeholders (from a particular industry or individual ones) in a way different from the general rule and determines their legal status. Following A. V. Malko and A. P. Limanskaya, this ‘otherness’ is seen in the presence of either special benefits and advantages or special restrictions expressed in additional prohibitions or positive obligations [14, pp. 121–123].

A specific (extraordinary) legal regime is introduced for a limited period when rules of emergency legislation are to be applied [24, pp. 64–67]. The regime is manifested in the growing regulatory impact and the expanding powers of individual bodies and officials.

Noting the trend towards further differentiation of the special and specific legal regimes, A. A. Mokhov believes that the former should include the *experimental legal regime* [17, p. 19], while the variants of the latter are the *regime of martial law*, the *state of emergency regime*, and the *regime of sanctions* [16, p. 20].

Professor Mokhov concludes that the main differentiating factor is the **coverage of an action by a particular legal regime of a particular group of social relations**. In addition, it is also essential to take into account the period a particular legal regime is supposed to cover. The rest of the grounds for possible classifications are complementary.

In elaboration of the discussed ideas, I. V. Ershova and A. Yu. Petrakov substantiate the need to supplement the special legal regime

жима режимом пространственной организации предпринимательской деятельности – *преференциальным режимом* (применительно к особым экономическим зонам и территориям опережающего социально-экономического развития), а особого правового режима – *режимом повышенной готовности* [7].

Оценивая формирующуюся теорию правовых режимов, В. В. Кванина ставит два вопроса:

1. Насколько правомерно выделять общий режим предпринимательской деятельности?

2. В чем с точки зрения семантики русского языка состоит различие между прилагательными «специальный» и «особый»?

По ее мнению, если регулирование общественных отношений не предполагает особых ограничений или льгот и рассчитано на неопределенный период времени, его установление не преследует определенную цель, то в этом случае с общетеоретической точки зрения необходимо говорить не о правовом режиме, а об *общем правовом регулировании общественных отношений*. А режим возникает тогда, когда общего порядка недостаточно. Соответственно, есть смысл выделять только специальные и особые режимы. Кроме этого, лексические значения термина «особый» и «специальный» тождественны, в связи с чем термин «особый» требует замены [9, с. 235–237].

Оба замечания представляются справедливыми. Действительно, не имеет смысла включать в категорию «режим» дефиницию общего правового регулирования, иначе за этим последуют и «режим легитимации», «режим саморегулирования», «режим государственного регулирования» и т.п. словосочетания, которые традиционно в науке предпринимательского права обрамляются конструкциями: «государственное регулирование», «правовое положение», «правовые основы».

Представляется, что категория «режим» возникает именно в противовес локусам общего, обычного, устоявшегося. Так, термин «режим» может иметь следующие значения:

- государственный строй;
- распорядок жизни;
- система правил;
- условия работы, деятельности [31, с. 186].

Исходя из вышеуказанного мы, действительно, применительно к государственному строю отдельных стран используем термин «режим»: например, «режим Чаушеску», но не «режим Ангелы Меркель». Также легко оперируем понятиями «лагерный режим», «больничный режим», «режим дня», но не говорим «режим жизни». В связи с этим считаем, что конструкция «*общий режим*» имеет характер *сочетания несочетаемого* и необходимость ее введения в научный оборот в рассматриваемом ракурсе отсутствует. К слову, если обратиться к трудам ученых, занимающихся исследованием правовых режимов, то мы увидим лишь характеристику специального и особого правовых режимов, а в части описания общего правового режима исследования ограничиваются отсылкой к *общему правовому регулированию*. Например, в учебнике «Актуальные проблемы предпринимательского права» в разделе 2 под названием «Правовые режимы осуществления предпринимательской деятельности» указывается, что общий правовой режим предпринимательской деятельности обеспечивается системой нормативных правовых актов, анализ которых был предпринят в предыдущем разделе данного учебника, именуемом «Общие положения о предпринимательской деятельности и предпринимательском праве» [1, с. 180].

Мы разделяем мнение профессора В. В. Кваниной о том, что термин «особый» требует замены. Различие между словами «специальный» и «особый» минимально, что не трудно установить, заглянув в словарь:

– специальный (лат. *specialis*) – это особый, отдельный, не общий, исключительно для чего-нибудь предназначенный;

– особый – отдельный от других, имеющий специальное назначение для чего-нибудь [31, с. 617, 998].

Надо сказать, что и в доктрине и в законодательстве встречается отождествление или равнозначное использование данных терминов. Например, А. Е. Бандорин указывает на то, что, если нормы распространяются на часть предпринимателей и при этом отмечается тенденция к уменьшению меры вмешательства государства в экономику, действует особый (специальный) режим [3, с. 23]. Законодатель нередко именует «особыми» режимы осуществления предпринимательской деятельности в свобод-

with the regime of spatial organization of business activity – *preferential regime* (as applicable to the specific economic zones and territories of advanced socio-economic development) and to add *high-alert regime* to the specific legal regime.

Assessing the developing theory of legal regimes, V. V. Kvanina sets two following questions:

1. How legitimate is it to distinguish the general regime of business activity?

2. What is the semantic difference between the adjectives ‘special’ and ‘specific’? (author’s note: these are direct translations of the words ‘специальный’ <spetsial’nyi> and ‘особый’ <osobyi> from Russian; the semantic difference between the two adjectives is very similar in the Russian and English languages).

In her opinion, if regulation of social relations does not involve special restrictions or benefits, it covers an indefinite period, the establishment of this regulation does not pursue a specific goal, then, from a general theoretical point of view, this is not about a legal regime but about *general legal regulation of social relations*. A regime emerges when the general order is not enough. Therefore, it makes sense to distinguish only special and specific regimes. Moreover, the lexical meanings of the terms ‘specific’ and ‘special’ are almost identical, and therefore the term ‘special’ requires replacement [9, pp. 235-237].

Both remarks seem reasonable. In fact, it does not make sense to put general legal regulation under the category of ‘regime’; otherwise, it will be followed by the ‘legitimation regime’, ‘self-regulation regime’, ‘government regulation regime’, and other word combinations that are conventionally framed by the expressions ‘government regulation’, ‘legal status’, ‘legal fundamentals’ in the science of business law.

It appears that the category ‘regime’ is intended to be the opposite to everything general, ordinary, and well-established. Thus, the term ‘regime’ can have the following meanings:

- state system;
- life routine;
- system of rules;
- conditions of work/activity [31, p. 186].

Based on the above, we do use the term ‘regime’ in relation to the state system of individual countries: for example, ‘Ceaurescu regime’; but we do not say ‘Angela Merkel regime’. We also feel free to use the expressions ‘camp regime’, ‘hospital regime’, ‘daily regime’, while not saying ‘life regime’. In this regard, we believe that the word combination ‘*general regime*’ *demonstrates blended incompatibles*, and from the discussed perspective there is no need to introduce it in scientific circulation. If we take works of authors who study legal regimes, we will see that they only provide description of special and specific legal regimes; when it comes to description of the general legal regime, they merely refer to the *general legal regulations*. For example, in the textbook *Current Issues of Business Law*, in section 2 titled ‘Legal Regimes of Business Activity’, it is stated that the general legal regime of business activity is ensured by a system of laws and regulations analyzed in the previous section of this textbook titled ‘General Provisions on Business Activity and Business Law’ [1, p. 180].

We share the opinion of Professor V. V. Kvanina that the term ‘specific’ needs replacement. There is a minor difference between the words ‘special’ and ‘specific’ (author’s note: *literal translation from Russian*), which can be easily seen in a dictionary:

– special (*Latin. specialis*) is specific, individual, not general, exclusively intended for something;

– specific is apart from others, having a particular purpose for something [31, pp. 617, 998] (author’s note: *literal translation from Russian*).

Both in the doctrine and in legislation, these words are used as identical or equivalent terms. For example, A. E. Banderin highlights that if rules are applied to a part of entrepreneurs, and the state intervention in the economy tends to decrease, a specific (special) regime is in force [3, p. 23]. Among the regimes that are often referred to as ‘specific’ in legislation there are

ной экономической зоне¹; внешнеторговой деятельности²; предпринимательской деятельности на территории опережающего социально-экономического развития³, т.е. те режимы, которые в доктрине причисляются к специальным.

Также бросается в глаза, что термин «особый (экстраординарный) правовой режим» в науке является родовой категорией, в то время как термин «специальный правовой режим» несет нагрузку как родового, так и видового понятия. В этой связи специальные режимы, не имеющие в своем названии «маячкового» слова «специальный» (в частности, «экспериментальный», «преференциальный»), начинают представляться оторванно, в образе иных самостоятельных разновидностей правового режима. Таким образом, использование термина «специальный правовой режим» в качестве обобщающего приводит к нарушению родовидовых отношений между их множествами. Последствия этого видятся в том, что классификация специальных правовых режимов лишается логической выдержанности и образующуюся многозначность этого понятия приходится устранять самостоятельно. Конечно, в обычной жизни подобное иногда происходит. Например, под ксероксом подразумевается любой копировальный аппарат не обязательно одноименного производителя. Но нужен ли подобный «ксерокс» в науке?

Более того, сам *критерий деления* по охвату определенной группы общественных отношений *не работает* при разграничении специального и особого (экстраординарного) правовых режимов, поскольку сфера действия обоих разновидностей режима может пересекаться.

Вариантами устранения указанных нестыковок могут быть:

¹ О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Федер. закон от 29 нояб. 2014 г. № 377-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 48, ст. 6658.

² Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: Федер. закон от 8 дек. 2003 г. 164-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50, ст. 4850.

³ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2014 г. № 473-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1, ст. 26.

1) отказ от применения термина «особый» при одновременном повышении значения термина «экстраординарный» от вспомогательного до основного родового понятия режимов военного положения, чрезвычайного положения, санкционного режима и режима повышенной готовности. Поскольку многие из названных представителей науки предпринимательского права считают синонимичными термины «особый» и «экстраординарный», резонно в качестве рассматриваемой родовой категории использовать лишь термин *экстраординарный режим*. Слово «экстраординарный» (от лат. *extraordinarius*: *extra* – вне и *ordo* – ряд, порядок) – это чрезвычайный, необычайный, выходящий из ряда вон [31, с. 1221]. Полагаем, что оно вполне подходит для охвата названной совокупности режимов;

2) подбор новой обобщающей категории для специальных правовых режимов. Учитывая, что научное противопоставление «специального» и «особого» правовых режимов на данном этапе окончательно не устоялось, а также тот факт, что некоторые с точки зрения науки специальные режимы законодатель именует особыми, и принимая во внимание, что одну классификационную подгруппу мы назвали экстраординарными режимами, логично, что противоположную ей имеет смысл именовать *ординарными правовыми режимами*, так как в этом случае прослеживается *критерий деления*. Полагаем, что данный термин, как родовое понятие, позволит без противоречий вобрать в себя многообразие специальных правовых режимов. Здесь уместно вспомнить, что такое деление уже обосновывалось в доктрине. Так, авторы труда по административному праву подразделяют правовые режимы *по критерию юридических свойств на ординарные и экстраординарные* [2, с. 552]. Отличительной особенностью любого экстраординарного правового режима является его *превалирование над ординарным*, регламентирующим соответствующую сферу отношений. Представляется, что данный критерий деления является первичным по отношению к охвату по сфере общественных отношений.

Иллюстративно реновированную теорию правовых режимов предпринимательской деятельности можно представить в виде схемы.

the regimes of business activity in a free trade zone¹; foreign trade activities²; business activities in the territory of advanced socio-economic development³ – i.e., those regimes classified as special in the doctrine.

In addition to the abovementioned issues, it is also eye-striking that the term ‘specific (extraordinary) legal regime’ is a generic category in science, while the term ‘special legal regime’ reflects both generic and specific concepts. Hence, special regimes that do not contain the ‘beacon’ word ‘special’ in their name (in particular, ‘experimental’, ‘preferential’) begin to be perceived as independent types of the legal regime. Thus, the use of the term ‘special legal regime’ as a generalizing term results in the violation of the genus-species relations within the varieties. Consequently, the classification of special legal regimes may lose its logical consistency, and it will be necessary to deal with the resulting ambiguity of the concept. Indeed, this kind of situations sometimes take place in ordinary life. For example, using the word ‘xerox’, we mean any copy machine, not necessarily produced by the eponymous manufacturer. However, do we really need such a ‘xerox’ in science?

Furthermore, the *differentiating criterion* based on the coverage of a particular group of social relations *does not work* when distinguishing between special and specific (extraordinary) legal regimes since the scope of both types may overlap.

There may be the following options of eliminating the above inconsistencies:

¹ Federal Law No. 377-FZ ‘On the Development of the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol and the Free Economic Zone in the Territories of the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol’ of November 29, 2014. *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2014. No. 48. Art. 6658.

² Federal Law No. 164-FZ ‘On the Foundations of State Regulation of Foreign Trade Activities’ of December 8, 2003. *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2003. No. 50. Art. 4850.

³ Federal Law No. 473-FZ ‘On Territories of Advanced Socio-Economic Development in the Russian Federation’ of December 29, 2014. *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2015. No. 1. Art. 26.

1) Rejection of the term ‘specific’ together with the growing value of the term ‘extraordinary’ from being auxiliary to becoming the main generic concept of the regimes of martial law, state of emergency, sanctions, and high-alert regime. Since many of the above-quoted representatives of business law science consider the terms ‘specific’ and ‘extraordinary’ to be synonymous, it is reasonable to use only the term *extraordinary regime* as the discussed generic category. The word ‘extraordinary’ (from Latin ‘*exstaordinarius*’: *extra* – outside and *ordo* – a row, order) is extreme, unusual, out of the ordinary (*author’s note: literal translation from Russian*) [31, p. 1221]. We believe that it is fairly suitable to cover the abovementioned set of regimes.

2) Selection of a new generic category for special legal regimes. Given that the scientific opposition between ‘special’ and ‘specific’ legal regimes has not been entirely established, and taking into account the fact that the legislator refers to some regimes being special in terms of science as specific, and also the fact that we named one classification subgroup ‘extraordinary regimes’, it is logical to name the opposite subgroup *ordinary legal regimes*, since in this case the *differentiating criterion* is clearly seen. We assume that this term, as a generic concept, would embrace the diversity of special legal regimes without any contradictions. Worth recalling in this regard is that such a division already has already been substantiated in the doctrine. For example, the authors of the work on administrative law subdivide legal regimes *into ordinary and extraordinary ones by the criterion of legal properties* [2, p. 552]. A distinctive feature of any extraordinary legal regime is its *primacy over the ordinary* one, regulating the relevant relations. This differentiating criterion appears to be more important than the coverage of social relations, prior in relation to the latter.

The renovated theory of legal regimes of business activity can be illustrated as follows below.

Система правовых режимов предпринимательства

Доктрина, законодательство и практика его применения о режиме банковской деятельности

В науке банковского права проблематика правовых режимов банковской деятельности до настоящего времени не подвергалась глубокому анализу. Вместе с тем некоторые маркеры можно отыскать в трудах известных ученых.

В частности, термин «*правовой режим банковской деятельности*» встречается у Е. Б. Лаутс. Кроме собственного использования этой категории, Е. Б. Лаутс говорит также о том, что данный режим подвержен дифференцированию по субъектам и реализуется через специфическую совокупность правовых средств [11, с. 464–465].

Профессор Л. Г. Ефимова более конкретно характеризует правовой режим банковской деятельности, указывая ее вид и содержание. В частности, она пишет, что сфера применения *специального правового режима банковской деятельности* определяется с помощью категории «банковская операция» и включает ряд специальных правил (специальный субъектный

состав, лицензирование, ограничения и т. п.) [4, с. 157].

О. М. Олейник полагает, что в банковской деятельности выделяются несколько правовых режимов, под которыми следует понимать порядок осуществления банковских операций и сделок и последствия несоблюдения установленных правил. К числу режимных требований она относит лицензирование и запрет на осуществление производственной, торговой и страховой деятельности, который придает банковской деятельности *особый, исключительный режим* [18, с. 29].

Критически оценивая имеющуюся научную базу, отметим следующее:

1. В науке банковского права нет единой парадигмы о характере правового режима банковской деятельности.

2. Что касается содержания понятия «режим банковской деятельности», то допускается как указание на то, что режим определяется через порядок совершения банковских операций, либо шире, с включением в него и порядка совершения сделок и последствий за его несоблюдение.

System of Legal Regimes of Business Activity

Banking Regime: Doctrine, Legislation and Application Practice

Proceeding to the direct research into legal regimes of banking, we should note that this issue has not yet been subjected to a profound analysis in the science of banking law. However, some markers can be found in the works of well-known scholars.

For example, the term ‘*legal regime of banking*’ can be found in works by E. B. Lauts. She notes that, apart from this concept being used as such, this regime is subject to differentiation by entity and is implemented through a specific set of legal tools [11, pp. 464–465].

Professor L. G. Efimova gives a more specific description of the banking legal regime through the designation of its type and content. According to the scholar, the scope of the *special legal regime of banking* is determined through the category of ‘banking operation’ and includes a number of spe-

cial rules (a special set of stakeholders, licensing, restrictions, etc.) [4, 157].

O. M. Oleynik assumes that in banking there are several legal regimes that should be understood as a procedure for conducting banking operations and transactions and the consequences of non-compliance with the established rules. The scholar identifies such regime requirements as licensing and prohibition on conducting production, trade, and insurance activities, which refers banking to a *specific, exclusive regime* [18, p. 29].

After a critical assessment of the available scientific background, the following can be summarized:

1. There is no single paradigm on the nature of the legal regime of banking in the science of banking law.

2. As to the content of the ‘banking regime’ concept, it can be indicated that the regime is defined through the procedure for banking operations

3. Режимные требования определены тезисно, как требования к субъектам банковской деятельности, лицензированию банковской деятельности, запрету на ее совмещение с торговой, производственной и страховой деятельностью и иные ограничения.

Вместе с тем выявленные *нестыковки не имеют антагонистического характера*. Как отмечалось выше, «правовой режим» уже подразумевает отрыв от общего правового регулирования, а термины «специальный» и «особый» являются практически тождественными. В этом ключе критической разницы в понятиях «режим банковской деятельности», «специальный режим банковской деятельности» или «особый режим банковской деятельности» нет. Основываясь на этом заключении, в настоящей работе термины «режим банковской деятельности» и «специальный режим банковской деятельности» будем использовать синонимично.

Надо сказать, что в юридической литературе была предпринята попытка углубиться в предмет данного исследования. Так, И. С. Попов сформулировал авторское понятие «режим банковской деятельности», его элементы и разновидности. В частности, **под правовым режимом банковской деятельности** предлагается понимать установленный законодательством, нормативными актами государственной власти, Банка России специфический порядок государственного регулирования и осуществления банковской деятельности с целью развития и укрепления банковской системы, защиты интересов вкладчиков и клиентов от банковских рисков, предотвращения правонарушений в банковской среде. Правовой режим банковской деятельности подразделяется на общий правовой режим банковской деятельности, специальный (индивидуальный) правовой режим деятельности отдельных кредитных организаций, правовой режим деятельности проблемных банков, правовой режим банковской деятельности в особых государственных состояниях и чрезвычайных ситуациях [20, с. 114].

Данная концепция вызывает двоякое впечатление: вначале видим контраргументы и замечания, однако нельзя не признать, что некоторые суждения автора и справедливы, и прогрессивны. Начнем с глобальных позиций. Прежде всего, определение «режим банковской деятельности» содержит круг, так как раскры-

вается через определяемое понятие: режим *банковской деятельности* ... – порядок осуществления *банковской деятельности*, что является нарушением правил определения [12, с. 85]. Далее, согласно части 2 статьи 2 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»¹, правовое регулирование банковской деятельности осуществляется Конституцией, федеральными законами и нормативными актами Банка России, т.е. акты иных органов государственной власти, по общему правилу, не несут функциональной нагрузки по регламентации банковской деятельности. Итак, в определении режима банковской деятельности остались указания **на цели его введения и это, действительно, является индикативным признаком**. Что же касается представленных видов правовых режимов, то здесь тоже есть как свои плюсы, так и минусы. Изначально, поскольку критерий деления отсутствует, сложно сказать, что представленное множество тяготеет к обобщению. Так, здесь есть и совокупность кредитных организаций, и отдельные банки безотносительно эффективности их деятельности, и проблемные банки, и банки, действующие в «особых государственных состояниях», что является смешением классификаций с недостаточной обоснованностью выделения отдельных групп и введением в оборот новых научных конструкций. Например, «общий правовой режим банковской деятельности» – лишенное смысла словосочетание (сродни «яркому сумраку»). Неясно, зачем выделять в отдельную группу проблемные банки, поскольку специфичные требования к их деятельности вряд ли позволяют говорить о том, что они на постоянной основе будут конфликтовать с «общим режимом банковской деятельности» (в трактовке И. С. Попова). Что же касается особых государственных и чрезвычайных состояний, то здесь, хотя и улавливается верное суждение, его поверхностное обрамление не дает возможности принять его в качестве опоры.

В связи с изложенным можно констатировать, что концепция правовых режимов банковской деятельности до настоящего времени не сформирована.

¹ Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 6, ст. 492; далее – Закон о Банках.

or, more broadly, with the inclusion of the procedure for transactions and the consequences for the breach of the regime.

1. Regime requirements are specified as requirements to banking entities, licensing of banking, the prohibition on combining it with trade, production and insurance activities, and other restrictions.

Meanwhile, the revealed *inconsistencies are not antagonistic by nature*. As noted above, a ‘legal regime’ already implies separation from general legal regulation, while the terms ‘special’ and ‘specific’ are practically identical in meaning. In this context, there is no critical difference between the concepts ‘banking regime’, ‘special banking regime’ or ‘specific banking regime’. Based on this conclusion, the terms ‘banking regime’ and ‘special banking regime’ are used as synonyms in this paper.

It should be noted that an attempt has already been made in the legal literature to delve into the subject matter of this research. For example, I.S. Popov developed his own concept of banking regime, its elements and varieties. He suggests that the **legal regime of banking** should be understood as a specific procedure for state regulation and implementation of banking activities established by legislation, regulatory acts of the state authorities, the Bank of Russia, in order to develop and reinforce the banking system, protect the depositors and clients from banking risks, and prevent infringements in the banking environment. The legal regime of banking is divided into the general legal regime of banking, specific (individual) legal regime of individual credit institutions, legal regime of problem banks, legal regime of banking under specific conditions of the state and emergencies [20, p. 114].

The outlined concept creates an ambivalent impression. At first, it causes objections and comments; however, it should be admitted that some of the author’s judgments are both fair and progressive. Let us discuss the global things first. First of

all, the definition of the ‘banking regime’ is built as a circle since is explained through the defined concept: *banking regime* ... is a procedure for the implementation of *banking activities*, which is against the rules of giving definitions [12, p. 85]. Further, under Part 2 of Article 2 of the Federal Law No. 395-1 of December 2, 1990 ‘On Banks and Banking Activities’¹, legal regulation of banking activities is controlled by the Constitution, federal laws and regulations of the Bank of Russia, i.e. the general rule is that acts of other state authorities do not have a function to regulate banking activities. Thus, in the discussed definition of banking regime, there are still references *to the purpose of its introduction, which, indeed, is an indicative sign*. As to the presented types of legal regimes, there are both losses and gains. Initially, it is hard to say that the presented set of concepts tends to generalization since there is no differentiating criterion. There are represented a set of credit institutions, individual banks regardless of their efficiency level, problem banks, and banks operating under ‘specific conditions of the state’ – we can see a mixture of classifications with insufficient substantiation for differentiating individual groups and introducing new term combinations. For example, the ‘general legal regime of banking’ appears to be a senseless phrase (akin to ‘bright twilight’). It is unclear why to classify ‘problem banks’ as a separate group since the specific requirements to such banks hardly make us assume that they would constantly clash with the ‘general banking regime’ (as interpreted by I. S. Popov). As to the ‘specific conditions of the state’ and ‘emergency conditions’, although a correct judgment can be captured here, its superficial framing does not allow it to be accepted as a benchmark.

For the above reason, it can be stated that the concept of legal regimes of banking has not yet been formed.

¹ Hereinafter referred to as Banking Law. *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 1996. No 6. Art. 492.

Для разработки теории правовых режимов банковской деятельности прежде всего необходимо осуществить:

1) отбор признаков, характеризующих ординарный правовой режим банковской деятельности;

2) анализ законодательства и практики на предмет обнаружения релевантных предмету исследования положений.

Согласно позиции В. В. Кваниной, для специального режима предпринимательской деятельности характерны:

- специальный порядок легитимации;
- ограниченный круг подпадающих под него субъектов;
- специальные основания начала и прекращения деятельности;
- наличие дополнительных прав и обязанностей;
- ограниченная территория воздействия;
- ограниченное время действия;
- наличие особых льгот, преимуществ, преференций, ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности [9, с. 237].

Полагаем, что приведенный перечень очерчивает большинство характеристик правового режима (круг субъектов, порядок легитимации и наличие особых льгот и преимуществ либо особых ограничений и позитивных обязываний). Кроме этого, считаем *необходимым добавить к числу конститутивных признаков правового режима его юридические свойства, цели введения и влияние на объем предпринимательской правоспособности*.

Что касается ограничений по территории или *времени действия режима, то данные критерии видятся вторичными* признаками, с помощью которых можно проводить дальнейшую дифференциацию правовых режимов.

Вышеизложенные тезисы позволяют охарактеризовать режим банковской деятельности, преимущественно регламентируемый Законом о Банках следующим образом:

1. Правовой режим банковской деятельности *распространяется на кредитные организации*: банки и небанковские кредитные организации.

2. Правовой режим банковской деятельности *преследует цели* обеспечения стабильности банковской системы, защиты прав, интересов вкладчиков и кредиторов кредитных орга-

низаций; противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения.

3. Для кредитных организаций предусмотрены *специальные правила регистрации, лицензирования, ликвидации и реорганизации*, которые, прежде всего, заключаются в необходимости:

- указания в фирменном наименовании характера деятельности кредитной организации;
- получения лицензии Банка России на право осуществления банковских операций;
- наличия минимального размера уставного капитала;
- соблюдения дополнительных требований к созданию и деятельности кредитных организаций с инвестициями нерезидентов;
- соблюдения особых условий функционирования структурных подразделений в России и за рубежом;
- раскрытия информации об органах управления и о деятельности;
- наличия безупречной деловой репутации органов управления, учредителей (участников) и определенных категорий должностных лиц;
- определенного распределения компетенции и организации деятельности органов управления;
- соблюдения требований к бухгалтерскому учету, системам управления рисками и капиталом, внутреннего контроля.

4. Правовой режим банковской деятельности характеризуется *ограничениями*, которые выражаются в необходимости кредитных организаций при осуществлении банковских операций соблюдать следующие запреты и позитивные обязывания:

- обязанность обеспечивать финансовую надежность;
- обязанность соблюдать правила проведения банковских операций;
- обязанность участвовать в системе обязательного страхования вкладов;
- обязанность представлять информацию в бюро кредитных историй;
- обязанность предпринимать меры для взыскания задолженности;
- обязанность хранить тайну об операциях, счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов;

In developing the theory of legal regimes of banking, first of all, it is necessary to:

1) select the features characterizing the ordinary legal regime of banking;

2) analyze legislation and practice for the purpose of finding provisions relevant to the subject of the research.

According to V. V. Kvanina, the special regime of business activity is characterized by such features as:

- particular procedure for legitimation;
- a limited number of stakeholders covered by this regime;
- special grounds for the start and termination of activities;
- availability of additional rights and obligations;
- limited geographical coverage;
- limited time coverage;
- availability of special benefits, advantages, preferences, restrictions for business activities [9, p. 237].

We believe that the above list outlines most of the legal regime features (the range of stakeholders, legitimation procedure, availability of specific benefits and advantages or specific restrictions and positive obligations). Apart from that, we deem it *necessary to add the legal properties, the goal of introduction, and the impact on the scope of entrepreneurial legal capacity to the range of distinctive features of a legal regime*.

As to the *spatial or time limits of the regime, these criteria appear to be secondary* features that can be used to conduct further differentiation of legal regimes.

Based on the above theses, we can describe the banking regime, mainly regulated by the Banking Law, as follows.

1. The legal regime of banking *applies to credit institutions*: banks and non-banking credit institutions.

2. The legal regime of banking *pursues the aims* of ensuring the banking system stability, protecting the rights of depositors and creditors of credit institutions, and combating the legalization of money laundering, financing of terrorism, and

proliferation of weapons of mass destruction (WMD).

2. There are special rules of registration, licensing, liquidation and restructuring for credit institutions, which primarily include:

- reference to the nature of the credit institution activity in its trade name;
- obtaining license for conducting banking operations from the Bank of Russia;
- availability of a minimum authorized capital;
- compliance with additional requirements for the establishment and operation of credit institutions with the use of non-resident investment share;
- compliance with the special conditions for the functioning of affiliated units in Russia and abroad;
- disclosure of information on management bodies and activities;
- impeccable business reputation of management bodies, founders (stakeholders), and specific categories of officials;
- specific distribution of the skill-set and workflow of management bodies;
- compliance with requirements for accounting, risk and capital management systems, in-process monitoring.

4. The legal regime of banking is characterized by *restrictions* expressed in the need for credit institutions to comply with the following prohibitions and positive obligations in their banking operations:

- obligation to ensure financial security;
- obligation to comply with the rules of banking operations;
- obligation to participate in the mandatory deposit insurance system;
- obligation to submit information to the credit reporting bureau (agency);
- obligation to take debt recovery actions;
- obligation to keep secret the transactions, accounts, and deposits of clients and corresponding parties;

– обязанность осуществлять меры, направленные на противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения;

– запрет заниматься производственной, страховой и с некоторыми изъятиями торговой деятельностью.

Отметим, что кредитные организации, а также их участники (учредители) нередко пытаются опротестовать правила о необходимости соблюдения режимных требований и последствиях за их несоблюдение, выраженных в приказах об отзыве лицензий, указывая, что они нарушают их права и законные интересы в сфере предпринимательской деятельности. Однако суды при разрешении споров подобных категорий исходят из того, что *поскольку данные приказы соответствуют действующим нормативным актам, то основания для признания их недействительными, равно как затрагивающими права и законные интересы участников банка и ограничивающими их правоспособность отсутствуют*¹.

Вышеизложенное позволяет сформулировать вывод, что **правовой режим банковской деятельности** представляет собой порядок осуществления кредитными организациями банковских операций, характеризующийся наличием особых запретов, ограничений и позитивных обязанностей, установленный в целях обеспечения стабильности банковской системы, защиты прав, интересов вкладчиков и кредиторов кредитных организаций и противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения.

По состоянию на 1 декабря 2020 г. в Российской Федерации действуют 411 кредитных организаций², совокупность которых по их ключевым атрибутам можно разделить на **системно значимые** и **иные**. В частности, для признания кредитной организации системно

значимой используются критерии, установленные в пункте 7 статьи 76 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»³, согласно которым к категории системно значимым относятся кредитные организации, **размер активов** которых составляет **50 и более млрд руб.** и/или **размер средств, привлеченных от физических лиц, составляет 10 и более млрд руб.** Всего в России 12 банков признаны системно значимыми (АО ЮниКредит Банк, Банк ГПБ (ПАО), ПАО «Совкомбанк», Банк ВТБ (ПАО), АО «АЛЬФА-БАНК», ПАО Сбербанк, ПАО «Московский Кредитный Банк», ПАО Банк «ФК Открытие», ПАО РОС-БАНК, ПАО «Промсвязьбанк», АО «Райффайзенбанк», АО «Россельхозбанк»); на их долю приходится около 74 % совокупных активов российского банковского сектора⁴.

Основными направлениями регулирования системно значимых кредитных организаций являются как позитивные моменты, связанные с поддержкой государства в случае проблем с финансовой устойчивостью, так и усиленные элементы надзорной нагрузки с учетом факторов дополнительных концентрированных рисков [22, с. 549]. В частности, речь идет о необходимости соблюдать показатели краткосрочной ликвидности, дополнительные требования к достаточности капитала, разрабатывать и предоставлять в Банк России планы восстановления финансовой устойчивости.

Кроме этого, субъектом, **отчасти подпадающим под действие правового режима банковской деятельности, является ВЭБ.РФ**. Вместе с тем его положение в банковской системе носит характер эксклюзивного. ВЭБ.РФ действует в статусе государственной корпорации, созданной в целях содействия в обеспечении долгосрочного социально-экономического развития страны, повышения эффективности инвестиционной деятельности и расширения инвестирования средств в национальную экономику. Его особый статус заключается в том, что, будучи правомочным совершать банковские операции и сделки, он **не подчиняется**

¹ См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 февраля 2020 г. № Ф05-24336/2019 по делу № А40-318686/18-92-3391 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Количественные характеристики действующих кредитных организаций (2020 г.). URL: https://www.cbr.ru/banking_sector/statistics/.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28, ст. 2790; далее – Закон о Банке России

⁴ Перечень системно значимых кредитных организаций на 29 октября 2020 г. URL: https://www.cbr.ru/banking_sector/credit/SystemBanks.html/.

– obligation to act against the legalization of money laundering, financing of terrorism and proliferation of weapons of mass destruction (WMD);

– prohibition to be engaged in industrial, insurance, and, to certain exceptions, commercial activities.

It should be noted that credit institutions and their stakeholders (shareholders) often try to protest the need to comply with the regime requirements and consequences for non-compliance expressed in license revocation orders, stating that those violate their rights and legitimate interests in business activity. However, when settling such disputes, the courts proceed from the fact that *since these orders comply with the current regulations, there are no reasons to invalidate them and recognize that they affect the rights and legitimate interests of bank stakeholders and limit their legal capacity*¹.

The abovesaid allows us to conclude that the **legal regime of banking** represents a banking operation procedure for credit institutions that is characterized by specific prohibitions, restrictions and positive obligations established to ensure the banking system stability, protect the rights of investors and creditors of credit institutions, and prevent legalization of money laundering, financing of terrorism and proliferation of weapons of mass destruction (WMD).

As of December 1, 2020, 411 credit institutions are operating in the Russian Federation². These can be divided into **systemically significant** and **others** based on their key attributes. For a credit institution to be recognized as systemically significant, there are applied criteria specified in Clause 7 of Article 76 of the Federal Law No. 86-FZ of July 10, 2002 ‘On the Central Bank of the

Russian Federation (the Bank of Russia)»³. Based on these criteria, the category of systemically significant institutions includes credit institutions whose **assets amount to 50 billion rubles or more**, and/or **the amount of funds raised from individuals reaches 10 billion rubles or more**. Totally, 12 banks in Russia are recognized as systemically significant (UniCreditBank Bank JSC, Bank GPG (PJSC), Sovcombank PJSC, Bank VTB (PJSC), ALFA-BANK JSC, Sberbank PJSC, Moscow Credit Bank PJSC, Bank FC Otkritie PJSC, ROS-BANK PJSC, Promsvyazbank PJSC, Raiffeisenbank JSC, Rosselkhozbank JSC). They represent about 74% of the total assets of the Russian banking sector⁴.

The main directions in the regulation of systemically significant credit institutions include both positive ones, related to the state support in case of financial stability issues, and elements of enhanced supervision taking into account the factors of additional concentrated risks [22, p. 549]. In particular, this refers to the need to keep up the liquidity coverage ratio, additional capital adequacy requirements, to develop and submit plans for financial stability restoration to the Bank of Russia.

In addition, **the Bank for Foreign Economic Activity (Vnesheconombank) is an entity partially subject to the legal regime of banking**. However, its position in the banking system is exclusive. It operates in the status of a state-owned corporation established to assist in ensuring a long-term socioeconomic development of the country, increasing the investment efficiency and expanding investment in the national economy. The specific status of this bank is represented by its eligibility to perform banking operations and transactions **acting**

¹ See: Resolution of the Moscow District Federal Commercial Court No. F05-24336/2019 in case No. A40-318686/18-92-3391 of February 3, 2020. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

² Quantitative characteristics of the existing credit institutions (2020). Available at: https://www.cbr.ru/banking_sector/statistics/.

³ Hereinafter referred to as Law on the Bank of Russia. *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2002. No 28. Art. 2790.

⁴ List of systemically significant credit institutions as of October 29, 2020. Available at: https://www.cbr.ru/banking_sector/credit/SystemBanks.html/.

положениям законодательства о банках и банковской деятельности, регулирующим порядок:

- государственной регистрации, ликвидации или реорганизации кредитных организаций и выдачи им лицензий на осуществление банковских операций;
- предоставления информации о деятельности кредитных организаций;
- осуществления отдельных видов банковских операций и сделок;
- обеспечения требований устойчивости и финансовой надежности, соблюдения иных обязательных требований и нормативов¹.

Системное толкование компетенции ВЭБ.РФ в банковской сфере позволяет заключить, что *изначально* она была ограничена по субъектному составу: ВЭБ.РФ был вправе осуществлять отдельные банковские операции только с юридическими лицами, участвующими в реализации его проектов. Между тем последующее «нормотворчество» значительно расширило круг его клиентов. Однако открытие и ведение счетов юридических лиц – конститутивная операция классических банков. ВЭБ.РФ, не являясь таковым и созданный для достижения иных целей, не имеет функциональной потребности прямо выходить на рынок банковских услуг. Следовательно, отсутствие у ВЭБ.РФ полномочий на обслуживание любых юридических лиц является одним из проявлений некоммерческого характера его статуса. В связи с этим представляется целесообразным привести перечень клиентов ВЭБ.РФ в соответствии с его некоммерческой формой, а также распространить на ВЭБ.РФ действующее законодательство в области банковского контроля без исключений [26, с. 32-35].

Характеризуя правовой режим банковской деятельности в целом, можно сказать, что к настоящему времени он не достиг своей кристаллизации. В числе его наиболее **серьезных проблем и коллизий**: противоречие между экономической сущностью банковской деятельности и правовым запретом на ее совмещение с деятельностью торговой; противоречие между задачей повышения конкурентоспособности и глобального значения банковской системы Рос-

сии и запретом на открытие в ней филиалов иностранных банков, отсутствие общих подходов к созданию и функционированию квази-банков (ВЭБ.РФ), нежизнеспособность правового статуса небанковских депозитно-кредитных организаций, недостаточная проработанность института банкротства кредитных организаций (в частности, отсутствие законодательной регламентации механизма bail-in); неразвитость отдельных цифровых технологий и сервисов (расширенной аналитики, интернета вещей), структурная ограниченность композиции национальной платежной системы: отсутствие в ней внешних провайдеров платежных услуг и правового обрамления интерфейса прикладного программирования; дискретность функционирования банков в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе.

Отдельно следует сказать, что **правовой режим банковской деятельности пересекается с правовым статусом Банка России**, который на основании статьи 46 Закона о Банке России имеет право осуществлять банковские операции и сделки. При этом концепции совмещения банковской (или даже шире предпринимательской) деятельности Банка России с правовым режимом банковской деятельности нет. Наиболее острые вопросы, которые возникают в связи с этим, касаются:

- круга лиц, банковские операции с которыми имеет право совершать Банк России (целесообразно ли Банку России кредитовать государственные корпорации и Управляющую Фонда консолидации банковского сектора?);
- правил участия Банка России в капиталах организаций, в т. ч. кредитных (поскольку это влечет конфликт интересов и сопровождается принятием экстраординарных, а также ограничивающих конкуренцию актов);
- возможностей прямого выхода Банка России на рынок банковских услуг (например, посредством Российского объединения инкассации, чей статус противоречит действующему законодательству);
- нераспространением категории «деловая репутация» к лицам, замещающим должности в органах управления Банком России;
- эффективности осуществления Банком России функций мегарегулятора (в частности, в контексте закрепления за кредитными органи-

above the provisions of Banking Law that regulate the procedures for:

- state registration, liquidation or restructuring of credit institutions and their licensing for banking operations;
- providing information on the activity of credit institutions;
- certain types of banking operations and transactions;
- ensuring the requirements of stability and financial reliability, compliance with other mandatory requirements and standards¹.

Overall interpretation of the banking jurisdiction of the Russian Bank for Foreign Economic Activity allows us to conclude that it was *initially* limited in terms of the parties involved: the Russian Bank for Foreign Economic Activity had the right to perform certain banking operations only with legal entities involved in its projects. Further ‘rulemaking’ significantly expanded the range of its clients. However, opening and management of accounts of legal entities is a constitutive operation of classical banks. Not being of the kind and established for other purposes, the Russian Bank for Foreign Economic Activity does not have any functional need to directly enter the banking services market. Hence, the lack of authority to provide any corporate banking is one of manifestations of its non-commercial status. In this regard, it seems appropriate to provide a list of clients of the Russian Bank for Foreign Economic Activity in accordance with its non-commercial form and also to make it covered by the current legislation on banking supervision, without exceptions [26, pp. 32–35].

Describing the legal regime of banking in general, we can say that it has not taken a definite shape yet. Its most **serious gaps and mismatches** include the contradiction between the economic essence of banking and the legal prohibition on combining it with commercial activities; the contradiction between the task of improving competitive ability and enhancing the global value of the

Russian banking system, on the one hand, and, on the other, the prohibition on opening affiliates of foreign banks, lack of common approaches to establishment and operation of quasi-banks (Russian Bank for Foreign Economic Activity), the unsustainable legal status of non-banking depositing and crediting institutions, insufficient development of the bankruptcy system for credit institutions (in particular, lack of legal regulation of the bail-in mechanism); immaturity of some digital technologies and services (advanced analytics, Internet of Things (IoT), limited structural flexibility of the national payment system: the absence of external payment providers and the API legal framing; discrete functioning of banks in the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol.

It should be noted that the **legal regime of banking intersects with the legal status of the Bank of Russia**, which has the right to conduct banking operations and transactions under Article 46 of the Law on the Bank of Russia. However, there is no concept of combining banking (or, in a broader sense, entrepreneurial) activities of the Bank of Russia with the legal regime of banking. The most acute issues that arise in this regard relate to:

- the range of entities that the Bank of Russia is allowed to do banking operations with (is this appropriate for the Bank of Russia to give credits to state-owned corporations and the Management Company of the Banking Sector Consolidation Fund?);
- the rules of shareholding for the Bank of Russia in some organizations including credit institutions (since this entails a conflict of interest and is accompanied by the adoption of extraordinary and sometimes anti-competitive acts);
- the opportunities for the Bank of Russia to enter directly the market of banking services (for example, through the Russian Encashment Association, whose status contradicts the current legislation);
- the exclusion of those who hold positions in the management bodies of the Bank of Russia from the coverage of the ‘business reputation’ category;
- the efficiency of the Bank of Russia in carrying out its function of the mega-regulator (in particular, in the context of legally enshrined obligations of credit institutions to maintain

¹ О государственной корпорации развития ВЭБ.РФ: Федер. закон от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 22, ст. 2562.

¹ Federal Law No. 82-FZ ‘On State Development Corporation ‘VEB.RF’ of May 17, 2007. *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2007. No. 22. Art. 2562.

зациями обязанностей ведения реестра платежных агентов, поставщиков платежных приложений, платежных агрегаторов).

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что правовой режим банковской деятельности является ординарным правовым режимом, *носящим базовый характер*, определяющим правоспособность кредитных организаций как специальную и распространяющим свое постоянное действие на отдельную сферу предпринимательства. Среди его правил можно выделить правила осуществления банковских операций кредитными организациями, в т. ч. системообразующими, и эксклюзивные условия для квазибанков. Деятельность ВЭБ.РФ обрамляется как подчиненными по отношению к правовому режиму банковской деятельности нормами, так и противоположными ему, что видится недопустимым (по крайней мере, по общей максиме законодательства). Банковская деятельность кредитных организаций пересекается с деятельностью Банка России, однако правовые пределы такого пересечения не установлены. Правовой режим банковской деятельности требует дальнейшего совершенствования по целому ряду направлений.

Экспериментальный правовой режим банковской деятельности – полигон для инноваций и регулирования

В системе современных правовых режимов банковской деятельности можно выделить *надстроечные режимы*: экспериментальный, санкционный и правовой режим повышенной готовности. Использование нами приставки «над» указывает на то, что эти правовые режимы мы располагаем «над» базовым правовым режимом банковской деятельности, поскольку они характеризуются неполнотой качества режима¹. Данный тезис требует своего обоснования.

Отметим, что вопрос *о соотношении правовых режимов* еще не попадал в фокус пристального внимания науки предпринимательского права, однако уже был обозначен в повестке дня. В частности, А. А. Ефремов справедливо пишет: «В российской науке отсутствуют единые подходы к соотношению правовых режимов и правовых экспериментов и их взаимо-

связи. Следовательно, необходима соответствующая правовая концепция, определяющая общее и особенное для данных инструментов и их взаимосвязь» [8, с. 32].

Ученые, говоря о разновидностях правовых режимов, называют их путем простого перечисления конкретных примеров, в связи с чем они представляются равнопорядковыми явлениями. Вместе с тем при непосредственной адаптации теории правовых режимов к банковской сфере деятельности очевидно, что правовые режимы начинают пересекаться. Согласно нашим предыдущим заключениям, кредитные организации изначально находятся под действием базового правового режима банковской деятельности. Однако в банковской сфере есть и экспериментальные правовые режимы, распространяющиеся на ограниченное число субъектов и факультативно – на ограниченную территорию. Представляется, что экспериментальный правовой режим не заменяет действие правового режима банковской деятельности, а лишь в отдельных местах пересекается с ним, приостанавливая действие отдельных норм и создавая дискретное², срочное правовое регулирование. Данный режим по отношению к базовому правовому режиму банковской деятельности является вторичным, поскольку основывается почти на всех составляющих его компонентах. Остановимся подробнее на его характеристике.

В 2018 году в Банке России появилась *регуляторная песочница*³ – специально согласованный режим проработки и пилотирования решений, в т. ч. регуляторных, для определения эффективной модели взаимодействия и построения бизнес-процессов в какой-либо новой сфере. Такое определение нового способа апробации и регулирования цифровых проектов приводится в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года»⁴. При этом создание

² От лат. *discretus* – «отдельный, отделенный», прич. прош. от. *discernere* – «отделять, разделять, отличать»; далее из *dis-* (приставка, означающая разделение, разделение) + *cernere* – «различать, разбирать». URL: <https://ru.wiktionary.org>.

³ От англ. *regulatory sandbox*.

⁴ Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/>.

¹ URL: <https://ru.wiktionary.org>.

a register of paying agents, e-money providers and payment aggregators).

Based on the above, it can be concluded that the legal regime of banking is an ordinary legal regime *of a fundamental nature* that defines the legal capacity of credit institutions as special and extends its continuous effect to a particular business area. Among its rules, we can distinguish the rules of conducting banking operations by credit institutions, including systematically significant, and exclusive conditions for quasi-banks. The operation of the Russian Bank for Foreign Economic Activity is framed by both regulations subordinate to the legal regime of banking and those opposite to it, which appears to be unacceptable (at least under the common maxim of law). Banking activities of credit institutions intersect with the activities of the Bank of Russia; however, the legal limits of such intersection are not established. The legal regime of banking requires further improvement in a number of areas.

The Experimental Legal Regime of Banking as a Test Field for Innovation and Regulation

In the system of contemporary legal regimes of banking, it is possible to distinguish such *super-structural regimes* as experimental, sanctions, and high-alert ones. The use of the prefix ‘super-’ indicates that we place these legal regimes ‘above’ the basic legal regime of banking since they are characterized by an incomplete set of features inherent in a regime¹. This statement requires justification.

It is noteworthy that the issue of *correlation between the legal regimes* has not yet come into the focus of close attention of business law science; however, it has already been put on the agenda. For example, as rightly submits A. A. Efremov, ‘In Russian science, there are no common approaches to the correlation between legal regimes and legal experiments, and their in-

terrelation. Therefore, an appropriate legal conception is needed to define the general and specific features of these tools and their interrelation’ [8, p. 32].

When distinguishing the varieties of legal regimes, the above-quoted authors describe them through bare listing of specific examples, which makes them seem to be phenomena of the same level. However, if we apply the theory of legal regimes directly to the banking sector, it is evident that legal regimes start overlapping. According to our above conclusions, credit institutions are initially subject to the basic legal regime of banking. However, there are also experimental legal regimes in the banking sector that apply to a limited number of entities and optionally to a limited territory. Apparently, the experimental legal regime does not substitute the legal regime of banking, but only partially intersects with it, suspending the effect of particular rules and enabling a discrete² fixed-term legal regulation. This regime is secondary to the basic legal regime of banking since it is based on nearly all its constituent components. Let us describe it in more detail below.

In 2018, the Bank of Russia introduced a *regulatory sandbox*, which is a specially coordinated regime to develop and pilot solutions, including regulatory ones, to generate an efficient model of interaction and business process engineering in some new area. This definition of the new beta-testing and controlling method in digital project management is given in the Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of October 11, 2017, No. 12 ‘On the Main Directions for the Implementation of the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union Until 2025’³. Establishment of

² From Latin ‘*discretus*’ – ‘separate, separated’, past participle from ‘*discernere*’ – ‘to separate, to divide, to distinguish’, further from ‘*dis-*’ (prefix meaning ‘division, separation’) + ‘*cernere*’ – ‘distinguish, separate’. Available at: <https://ru.wiktionary.org>.

³ Official website of the Eurasian Economic Union. Available at: <http://www.eaeunion.org/>. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

¹ Available at: <https://ru.wiktionary.org>.

системы регулятивных песочниц Союза – одна из приоритетных инициатив в рамках реализации его цифровой повестки.

Следует сказать, что более 57 юрисдикций планируют или уже создали регуляторные песочницы. Зарубежные эксперты отмечают следующие преимущества регуляторной песочницы: снижение информационной асимметрии и регуляторных издержек, повышение капитала вовлеченных в них компаний [35, р. 27], улучшенное освоение надзорными органами новых технологий [36]. По результатам эксперимента предлагаются *подходы к правовому регулированию*, поскольку презюмируется, что в регуляторных песочницах тестируются технологии, требующие создания либо модификации правового поля. Весомыми достижениями зарубежных юрисдикций стали: стирание отличий в регулировании финтеха и банков посредством введения нового вида квази-банковской лицензии для поставщиков финансовых услуг (в Швейцарии) [41]; выделение приоритетных областей для инноваций, в частности поддержка перехода к «зеленой» экономике (Великобритания) [42]; разработка механизма контроля за регуляторной песочницей, особенно в части недискриминационного и прозрачного отбора участников проектов, аналогичного государственным закупочным процедурам (Германия) [39, р. 66], разработка решений для проведения трансграничных платежей с использованием QR-кодов (межбанковский проект Таиланда, Камбоджи, Японии и Сингапура) [33, р. 15].

В России регуляторная песочница должна была появиться в 2017 году, к ее созданию подтолкнул мощный процесс роста рынка криптовалют. Для того чтобы государство и общество, с одной стороны, не плелись в хвосте рынка, а с другой стороны, не стали жертвами киберверсии приснопамятной пирамиды МММ, и был разработан этот новаторский механизм. Интересно, что процесс создания регуляторной песочницы шел параллельно с активным внедрением новых финансовых технологий – криптовалют, ICO, блокчейна, искусственного интеллекта, робоэдвайзинга. Отчасти такое отставание обусловлено излишней увлеченностью мегарегулятора фундаментальными аспектами регулирования. В связи с этим «прикладное» регулирование, ориенти-

рованное на содержательные аспекты рисков, их идентификацию и оценку, вынужденно отошло на второй план [25, с. 9]. Однако в настоящее время необходимость именно в прикладном банковском регулировании настоятельно заявляет от себе.

Полноценное регулирование самой регуляторной песочницы было закреплено в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹, вступившем в силу лишь 28 января 2021 г.

Итак, в соответствии с легальной терминологией:

– **экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций на финансовом рынке** – применение в отношении участников экспериментального правового режима в течение определенного периода времени специального регулирования;

– **специальное регулирование** – нормативное правовое регулирование, отличающееся от общего регулирования и устанавливаемое программой экспериментального правового режима в отношении участников экспериментального правового режима на определенный срок и, если иное не предусмотрено программой экспериментального правового режима, на определенной территории.

Актом Банка России *для экспериментального правового режима, могут быть введены* ограничения в части объема финансовых операций, числа лиц, в отношении которых могут осуществляться эти финансовые операции, а также иные условия установления такого режима. **Срок действия** экспериментального правового режима, по общему правилу, не может превышать три года.

Банк России обязуется обеспечивать в открытом доступе на своем официальном сайте размещение информации:

- о ходе рассмотрения поступивших инициативных предложений;
- о реестре экспериментальных правовых режимов.

Программа экспериментального правового режима должна содержать положения отдельных актов регулирования, которые не подлежат

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ст. 5017.

the regulatory sandboxes system within the Union is one of the priorities in the implementation of its digital agenda.

It should be mentioned that more than 57 jurisdictions are planning or have already created their regulatory sandboxes. Among the advantages of the regulatory sandbox, international experts highlight reduced information asymmetry and regulatory costs, increased capital of stakeholders [35, p. 27], a better understanding of new technologies by supervisory authorities [36]. Based on the experiment results, there are proposed *legal regulation approaches* since it is presumed that the technologies that are tested in regulatory sandboxes require creation or modification of the legal framework. It is possible to name such significant achievements of foreign jurisdictions as: effacing of the differences in the regulation of FinTech and banks by introducing a new type of quasi-bank license for financial service providers (in Switzerland) [41]; identification of priority areas for innovation, in particular, support for the transition to the ‘green’ economy (Great Britain) [42]; development of a mechanism to control the regulatory sandbox, especially in terms of non-discriminatory and transparent selection of project participants, similar to public procurement procedures (Germany) [39, p. 66]; development of solutions for cross-border payments using QR codes (the interbank project of Thailand, Cambodia, Japan, and Singapore) [33, p. 15].

The regulatory sandbox was expected to appear in Russia in 2017. The idea was driven by the dramatically growing cryptocurrency market. This innovative mechanism was developed in order for the state and society not to lag behind the market, on the one hand, and not to become victims of the cyber-version of the ever-memorable MMM pyramid, on the other hand. Interestingly, the process of building a regulatory sandbox was running in parallel to the active introduction of the new financial technologies – cryptocurrencies, ICOs, blockchain, artificial intelligence, and robo-advising. This lag partially resulted from the megaregulator’s excessive preoccupation with the fundamental aspects of regulation. In this regard, ‘applied’ regulation, focused on the substantive as-

pects of risks, their identification and assessment, was forced to recede into the background [25, p. 9]. However, the need for applied banking regulation is on the agenda at the moment.

Full-fledged regulation of the regulatory sandbox itself was established in the Federal Law No. 258-FZ of July 31, 2020 ‘On Experimental Legal Regimes in Digital Innovations of the Russian Federation’¹, which entered into force only on January 28, 2021.

According to the legal terminology:

– **experimental legal regime in the field of digital innovations in the financial market** is the application of special regulation in relation to the participants in the experimental legal regime within a certain time period;

– **special regulation** is normative regulatory environment distinctive from the general regulation and established by the program of the experimental legal regime in relation to the participants in the experimental legal regime for a specified time period and, unless otherwise provided by the program of the experimental legal regime, within a particular territory.

An act of the Bank of Russia *may introduce restrictions for the experimental legal regime* with regard to the volume of financial operations, the number of parties that might be engaged in these financial operations, and also other conditions for establishing such a regime. The **duration** of the experimental legal regime, as a general rule, may not exceed three years.

The Bank of Russia is obliged to ensure public availability of the following information on its official website:

- on the progress of consideration of the received initiative proposals;
- on the register of experimental legal regimes.

The program of the experimental legal regime should contain provisions of individual regulatory acts that are not subject to application

¹ Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 2020. No. 31. Art. 5017.

применению, а также положения, соблюдение которых является обязательным, если такие положения не предусмотрены актами общего регулирования или отличаются от них.

Как указывает доктор права Christopher Chen, цели нормативного режима песочниц различаются в разных странах [34]. В России, согласно закону, почти все цели экспериментального правового режима направлены на повышение социально-экономического благосостояния общества. В то же время одна цель несколько выбивается из общей канвы: «совершенствование общего регулирования по результатам реализации экспериментального правового режима», но именно она дает нам возможность охарактеризовать связь между базовым правовым режимом банковской деятельности и экспериментальным правовым режимом. Представляется, что экспериментальный правовой режим, по существу, является *правовым средством совершенствования законодательства*, так как в конечном счете служит целям правового режима банковской деятельности. Dan Quan также отмечает, что «настоящие регулирующие органы, ориентированные на инновации, рассматривают песочницы как средство, а не как цель» [44]. Основываясь на этом, мы заключаем, что экспериментальный правовой режим в банковской сфере носит надстроечный характер. Он дискретно и срочным образом регламентирует порядок осуществления участниками эксперимента банковских операций с применением цифровых инноваций в целях их скорейшего правового оформления в рамках правового режима банковской деятельности и внедрения в практику.

Вариантом правового оформления решений мегарегулятора являются *изменения и дополнение нормативных правовых актов, создание нового регуляторного окна*. По состоянию на октябрь 2020 года в регуляторной песочнице Банка России завершено пилотирование 11 сервисов, правовые барьеры устранены для внедрения четырех из них, при этом два сервиса заработают после вступления в силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Феде-

рации»¹ (позволяющие выпускать гибридные токены, обеспеченные одновременно разными активами). Часть сервисов ожидают решения Банка России по вопросу о целесообразности их внедрения².

Экстраординарные правовые режимы банковской деятельности

Ученые А. Ф. Майдыков и А. В. Мелехин выделяют 21 признак экстраординарного правового режима. На наш взгляд, прежде всего заслуживают упоминания следующие признаки:

- основания введения (наличие угроз для личности, общества, государства);
- временный характер (действие ограничено определенным периодом);
- существенное изменение правового положения ряда субъектов (прав, обязанностей, юридической ответственности);
- включение не только ограничительных мер, предусмотрена возможность возмещения юридическим и физическим лицам ущерба в случае допущенных против них незаконных действий [13, с. 99–101].

Критикуя представленную концепцию, А. А. Мохов говорит о том, что для отграничения экстраординарного правового режима предпринимательской деятельности от иных достаточно назвать два признака: его введение при реализации норм чрезвычайного законодательства и ограничение периодом действия норм чрезвычайного законодательства [24, с. 64–67].

Представляется, что как раз именно эти два признака являются довольно слабыми детерминантами, поскольку они не несут в себе сущностной характеристики экстраординарных правовых режимов. Прежде всего, как показала современная действительность, не все экстраординарные правовые режимы (в частности, санкционный) имеют корреляцию с чрезвычайным законодательством. Признак срочности правового режима является факультативным критерием, и он в ряде случаев не позволяет отграничить экстраординарные режимы от обычных. Более того, сроки экстраординарных режимов могут быть равны или

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ст. 5018.

² URL: <http://www.mka.ru/categories/91/18266/>.

and provisions that are mandatory if such provisions are not prescribed by general regulatory acts or differ from them.

As noted by Christopher Chen, a Doctor of Law, the goals of the sandbox regulatory regime vary from country to country [34]. According to Russian law, almost all goals of the experimental legal regime are aimed at increasing the socio-economic welfare of society. One goal – ‘improvement of general regulation based on the results of the experimental legal regime implementation’ – is to a certain degree out of the general outline; but it allows us to characterize the relationship between the basic legal regime of banking and the experimental legal regime. It seems that the experimental legal regime is essentially a *legal means of improving legislation* since it ultimately serves the purposes of the legal regime of banking. Dan Quan also notes that ‘true innovation-oriented regulatory authorities view sandboxes as a means, not an end’ [44]. Based on this, we conclude that the experimental legal regime in the banking sector is of a superstructural nature. It discretely regulates the procedure for the experiment participants when conducting banking operations with the use of digital innovations, with this regulation covering a fixed term; the ultimate purpose is to foster legal formalization of the named operations within the legal regime of banking and put them into practice.

A possible way of the legal formalization of the mega-regulator’s decisions is *amendments and additions to regulatory legal acts, creation of a new regulatory window*. As of October 2020, there was finished piloting of 11 services in the regulatory sandbox of the Bank of Russia, legal barriers were removed for the implementation of four of them, two services are supposed to start working after the entry into force of Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 ‘On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Introducing Amendments

to Certain Legislative Acts of the Russian Federation»¹ (allowing the issuance of hybrid tokens secured simultaneously by different assets). Some services are awaiting the decision of the Bank of Russia on the feasibility of their introduction².

Extraordinary Legal Regimes of Banking

Scientists A. F. Maidikov and A. V. Melekhin identify 21 features of the extraordinary legal regime. In our opinion, first of all, the following features deserve mentioning:

- reasons for the introduction (the existence of threats to the individual, society, the state);
- temporary nature (the validity is limited to a specific period);
- significant change in the legal status of several entities (rights, obligations, legal responsibility);
- not only restrictive measures being included, the possibility of compensating legal entities and individuals for damage in the event of illegal actions committed against them [13, pp. 99–101].

Criticizing the presented position, A.A. Mokhov states that for distinguishing the extraordinary legal regime of business activity from others, it is sufficient to name two features: its introduction during the implementation of the emergency legislation and its limitation by the validity period of the emergency legislation rules [24, pp. 64–67].

In our opinion these two features are rather weak determinants since they do not carry the essential characteristics of extraordinary legal regimes. First of all, as contemporary reality has shown, not all extraordinary legal regimes (in particular, sanctions) correlate with emergency legislation. The fixed-term validity feature of the legal regime is an optional criterion, and, in some cases, it does not allow distinguishing extraordinary regimes from ordinary ones. Moreover, the terms of extraordinary regimes may be equal to

¹ *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2020. No. 31. Art. 5018.

² Available at: <http://www.mka.ru/categories/91/18266/>.

даже быть значительно длиннее, чем сроки обычных правовых режимов. Например, экспериментальный правовой режим вводится на срок не более трех лет, приблизительно столько же действовал режим чрезвычайного положения в Северной Осетии и Ингушетии, а экстраординарные санкционные режимы могут просуществовать и больше, чем одно десятилетие.

В связи с этим мы считаем, что признаки экстраординарных правовых режимов требуют доработки. Как мы указали ранее, правовые режимы разграничиваются по критерию юридических свойств. Соответственно, **экстраординарные правовые режимы будут превалировать над обычными правовыми режимами**. Кроме этого, очевидно, что введение экстраординарных правовых режимов преследует отличные от обычных правовых режимов **цели**; в них будет ярко высвечиваться защитная функция. Представляется, что в отличие, например, от экспериментального правового режима, регламентирующего деятельность ограниченного круга субъектов в узкой области правоотношений, нормы экстраординарных правовых режимов как бы определенным образом замещают собой базовый правовой режим банковской деятельности (запрещая или изменяя его работу), т.е. **существенно изменяют правовое положение субъектов** банковской деятельности. **Экстраординарные правовые режимы**, в свою очередь, **возможно разделить** на вводимые по воле суверенного государства (режим военного времени, чрезвычайного положения и режим повышенной готовности) и независимо от этой воли – санкционный правовой режим.

С этих позиций охарактеризуем современные экстраординарные правовые режимы банковской деятельности.

Правовые режимы чрезвычайного, военного положения и режим повышенной готовности

В качестве примеров экстраординарных правовых режимов предпринимательской деятельности называют режимы **чрезвычайного и военного положения**. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положе-

нии»¹, введение **чрезвычайного положения** преследует **цели** устранения обстоятельств, послуживших основаниями его введения, обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина и защиты конституционного строя страны. При введении режима чрезвычайного положения возможно вводить ограничения на установление отдельных видов финансово-экономической деятельности, особого порядка продажи, приобретения и распределения продовольствия и предметов первой необходимости, ограничение движения транспортных средств, ограничение свободы печати, вносить изменения в режим работы организаций вне зависимости от их организационно-правовой формы, отстранять от работы руководителей негосударственных организаций в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ими обязанностей, а также временно назначать на их должности иных лиц.

Режим военного положения основывается на Федеральном конституционном законе от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»², в соответствии с которым **целью введения военного положения** является создание условий для отражения или предотвращения агрессии против России. В период действия военного положения могут быть предусмотрены меры, связанные с введением временных ограничений на осуществление экономической и финансовой деятельности, оборот имущества, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, временно изменены форма собственности организаций, порядок и условия процедур банкротства, режим трудовой деятельности и **установлены особенности** финансового, налогового, таможенного и **банковского регулирования**. Как напомнил в июле 2020 года Банк России, государство в военное время может заблокировать вклады в банках в целях мобилизации средств населения, чтобы пополнить бюджет и ограничить денежную эмиссию. Так, ограничение по снятию наличных со счетов было введено в первые же дни Великой Отечественной войны³.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23, ст. 2277.

² Там же. 2002. № 5, ст. 375.

³ URL: <https://deita.ru/article/478277>.

or even significantly longer than the terms of ordinary legal regimes. For example, the experimental legal regime can be established for no more than three years; the state of emergency in North Ossetia and Ingushetia was in effect for about the same period. However, extraordinary sanctions regimes can last for even more than one decade.

In this respect, we find that the features of extraordinary legal regimes need improvement. As said above, legal regimes are differentiated by the criterion of legal properties. Therefore, **extraordinary legal regimes prevail over ordinary legal regimes**. Moreover, it is evident that introduction of extraordinary legal regimes pursues **goals** different from those of ordinary legal regimes: the former are characterized by a clear protective function.

It appears that, in contrast to the experimental legal regime, which regulates the activities of a limited number of entities in a narrow scope of legal relations, the norms of extraordinary legal regimes in some way substitute the basic legal regime of banking (prohibiting or modifying its operation), i.e. they **significantly change the legal status of banking entities**. **Extraordinary legal regimes**, in turn, **can be classified** into those introduced according to the will of a sovereign state (a wartime regime, a state of emergency and a high-alert regime) and those established regardless of this will – the legal regime of sanctions.

Further, we will describe modern extraordinary legal regimes of banking from this perspective.

Legal Regimes of Emergency, Martial Law and High-Alert Regime

Emergency and martial law regimes are referred to as examples of extraordinary legal regimes of business activity. According to the Federal Constitutional Law of May 30, 2001, No. 3-

FKZ ‘On the State of Emergency’¹, the introduction of the **emergency state** is **intended** to eliminate the circumstances that caused it, to ensure the protection of human and civil rights and freedoms, to secure the country’s constitutional system. When the state of emergency is established, it is permissible to impose restrictions on certain types of financial and economic activities, lay down a particular procedure for sale, purchase and distribution of food and primary commodities, restrict transport traffic, restrict the freedom of the press, make changes to the working hours of businesses regardless of their organizational legal form, suspend from work managers of non-government organizations for breach or improper performance of their duties, and temporarily appoint other persons to their positions.

The **martial law regime** is based on the Federal Constitutional Law² of January 30, 2002 No. 1-FKZ ‘On Martial Law’, which states that **introduction of martial law is intended** to create conditions for repelling or preventing aggression against Russia. During the martial law period there may be established measures such as temporary restrictions on economic and financial activities, property turnover, free traffic of commodities, services and financial resources, restrictions to seek, receive, transfer, produce and distribute information; it may temporarily modify the form of ownership of organizations, the procedure and conditions of bankruptcy, the labor regime, and **establish the features** of financial, tax, customs and **banking regulation**. As the Bank of Russia reminded in July 2020, in wartime the government can freeze deposits in banks to mobilize funds of the population in order to replenish the budget and limit money issuance. For example, the restriction on withdrawing cash from accounts was introduced in the first days of the Great Patriotic War³.

¹ Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 2001. No 23. Art. 2277.

² Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 2002. No 5. Art. 375.

³ Available at: <https://deita.ru/article/478277>.

Особо следует сказать, что подобные **режимные ограничения могут быть введены в государственных состояниях переходного периода** вне взаимосвязи с указанным законодательством и просуществовать несколько десятилетий. Так, Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 408-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О приостановлении действия Федерального закона «О базовой стоимости необходимого социального набора»¹ до 2024 года **вновь отложено восстановление сбережений граждан советского периода** из-за отсутствия источников финансирования.

В современной истории России (после распада СССР) военное положение не вводилось ни разу. Чрезвычайное положение на общедеревенском уровне также не вводилось, но существовало в регионах. Так, в период со 2 ноября 1992 г. до 31 марта 1993 г. режим чрезвычайного положения действовал в Ингушетии и Северной Осетии, где возник осетино-ингушский межнациональный вооруженный конфликт. Затем вместо него режим чрезвычайного положения был введен на части Пригородного района Северной Осетии и Назрановского района Ингушетии и в прилегающих местностях, который продлился до 15 февраля 1995 г. В поисках норм, характеризующих деятельность кредитных организаций в условиях действия режима чрезвычайного положения, обратимся к соответствующим указам Президента РФ того времени Б. Н. Ельцина.

Итак, указом Президента РФ от 2 ноября 1992 г. № 1327 «О введении чрезвычайного положения на территории Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики»² в поименованных субъектах было введено чрезвычайное положение на период со 2 ноября 1992 г. по 30 января 1993 г. Указом Президента РФ от 27 марта 1993 г. № 407 «О введении чрезвычайного положения на территориях части Пригородного района и прилегающих к нему местностях Северо-Осетинской ССР и части Назрановского района Ингушской Республики»³ в указанных регионах режим чрезвычайного по-

ложения был введен на период с 14 марта 1993 г. по 15 февраля 1995 г. На период действия чрезвычайного положения в обеих республиках в качестве особой формы управления была назначена Временная администрация, приказы которой ввели запрет на проведение забастовок, особый режим передвижения в зоне чрезвычайного положения, особый режим вещания по радио и телевидению, а также выпуска печатных изданий, эти установления были обязательны для исполнения всеми организациями, учреждениями и предприятиями. Каких-либо иных предписаний и запретов, непосредственно относящихся к субъектам банковской деятельности, данный Указ не содержал. Собственно, можно предположить, что в период вооруженных столкновений, который сопровождался многочисленными жертвами и исходом ингушского населения из сел и горных районов Кавказа, итак относящихся к экономически отсталым регионам, вряд ли функционировал бизнес. Что касается предоставления банковских услуг военнослужащим, а также физическим лицам на тех территориях, где невозможно создание и функционирование территориальных учреждений Банка России и кредитных организаций, то эту функцию выполняют **полевые учреждения Банка России**, которые являются воинскими учреждениями, чье основное предназначение состоит в банковском обслуживании воинских частей, учреждений и организаций Минобороны России, а также иных органов и юридических лиц, обеспечивающих безопасность РФ. Первые полевые учреждения были созданы еще в 1939 году; во время Великой Отечественной войны работа полевых учреждений внесла свой вклад в борьбу с фашизмом [30, с. 20; 23 с. 12]. В настоящее время в системе Банка России функционируют 89 полевых учреждений (во всех воинских округах, на флотах и в группах войск, государствах ближнего зарубежья (Казахстан, Таджикистан), местностях с тяжелыми климатическими условиями (Анадырь, Новая Земля), в отдаленных точках базирования дальней авиации, на полигонах и космодромах⁴.

Изложенное позволяет заключить, что **правовые режимы военного и чрезвычайного положения** вводятся на неопределенно сроч-

It should be noted that such **regime restrictions can be introduced in the country's transition periods**, regardless of the relationship with the specified legislation, and can last for several decades. For example, Federal Law No. 408-FZ of December 8, 2020 'On Introducing Amendments to Article 1 of the Federal Law 'On the Suspension of the Federal Law 'On the Basic Cost of Social Recruitment Services',¹ the **restoration of the Soviet people's savings was again postponed until 2024** due to the lack of funding sources.

Martial law has never been introduced in the contemporary history of Russia (after the USSR breakup). The state of emergency at the federal level has not been introduced either, though it took place in the regions. For example, in the period from November 2, 1992, to March 31, 1993, the state of emergency was in effect in Ingushetia and North Ossetia, where the Ingush-Ossetian interethnic armed conflict developed. Later, it was replaced by the state of emergency imposed in some territories of the Prigorodny District of North Ossetia and the Nazran District of Ingushetia and in the adjacent areas until February 15, 1995. In the search for norms that characterize activities of credit institutions under the state of emergency, let us refer to the relevant decrees of the Russian President of that period B. N. Yeltsin.

The Decree of the President of the Russian Federation of November 2, 1992 No. 1327 'On the Introduction of a State of Emergency in the Territory of the North Ossetian SSR and the Ingush Republic'² imposed the state of emergency from November 2, 1992 to January 30, 1993 in the above territories. The presidential decree of March 27, 1993 No. 407 'On the Introduction of a State of Emergency in Some Territories of the Prigorodny District and Adjacent Areas of the North Ossetian SSR and Some Territories of the Nazran District of the Ingush Republic'³ im-

posed the state of emergency from March 14, 1993 to February 15, 1995. Under the state of emergency in both republics, the Provisional Administration was appointed as a special form of government whose orders introduced a ban on strikes, a special regime of movement in the emergency area, a special regime of radio and television broadcasting and publishing printed issues. All these regulations were obligatory to be met by all organizations, institutions and enterprises. This decree did not contain any other regulations and prohibitions directly related to banking entities. Assumably, businesses could hardly function during armed clashes resulting in numerous victims and the exodus of the Ingush population from the villages and mountainous regions of the Caucasus, already economically depressed. As to provision of banking services for military personnel and individuals in those territories where it was impossible to establish and organize operation of territorial affiliates of the Bank of Russia and credit institutions, this function was performed by **field affiliates of the Bank of Russia**. These are military institutions whose primary purpose is to provide banking services to military units, institutions and organizations of the Russian Ministry of Defense and other bodies and legal entities that ensure the security of the Russian Federation. The first field institutions were established in 1939; during the Great Patriotic War their work contributed to the fight against fascism [30, p. 20; 23, p. 12]. Currently, there are operating 89 field affiliates within the system of the Bank of Russia (in all military districts, fleets and groups of troops, in neighboring countries (Kazakhstan, Tajikistan), areas with severe climatic conditions (Anadyr, Novaya Zemlya), in remote locations of the long-range air force, at test fields and spaceports)⁴.

The above allows us to conclude that **legal regimes of martial law and state of emergency** are introduced for an indefinite period of time in

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50, ст. 8053.

² Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 19, ст. 1579.

³ Там же. 1993. № 14, ст. 1177.

⁴ URL: <https://www.cbr.ru/Content/Document/Page/92952>.

¹ Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 2020. No 50. Art. 8053.

² Collection of Acts of the President and the Government of the Russian Federation. 1992. No. 19. Art. 1579.

³ Collection of Acts of the President and the Government of the Russian Federation. 1993. No. 14. Art. 1177.

⁴ Available at: <https://www.cbr.ru/Content/Document/Page/92952>.

ный период времени для устранения обстоятельств, послуживших основаниями их введения и обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина и защиты конституционного строя страны. При этом реализация отдельных прав и свобод может быть приостановлена, в частности, посредством введения моратория на снятие денежных средств, находящихся во вкладах. Ввиду невозможности функционирования кредитных организаций на территориях, где введено военное или чрезвычайное положение, основную часть их функций выполняют полевые учреждения Банка России.

Несколько иначе функционирует действующий в настоящее время **режим повышенной готовности**. Отметим, что нормы чрезвычайного законодательства также содержатся в Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹, который устанавливает также общие положения о правовом режиме повышенной готовности в связи с пандемией коронавирусной инфекции. **Режим повышенной готовности** – режим функционирования органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, который вводится **при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации** (подп. «б» п. 6 ст. 4.1).

Хотя вызов пандемии COVID-19 человечеству первостепенен, не менее важно и то напряжение, которое она создает для правового порядка. Европейская служба парламентских исследований отмечает, что для большинства пострадавших стран ЕС эта вспышка создает беспрецедентные институциональные проблемы и обязывает правительства принимать строгие меры в отношении прав граждан, не имеющие аналогов со времен Второй мировой войны. Несмотря на то что конституции некоторых государств-членов включают механизмы, позволяющие прибегать к состоянию чрезвычайного положения или легитимации чрезвычайного законодательства, государства не делают этого либо по историческим причинам, либо в силу институциональной традиции [32, p. 1]. Например, в Германии кризис COVID-19 был

охарактеризован как «эпидемическое положение государственного значения» согласно Закону о профилактике и контроле инфекционных заболеваний у людей (Закон о защите от инфекций) от 20 июля 2000 г., который был дополнен нормами, позволяющими Бундестагу объявить соответствующий вид эпидемии и наделить дополнительными полномочиями Федеральное министерство здравоохранения².

В российской юридической литературе указывается, что **правовой режим повышенной готовности характеризуется**:

- основанием введения (признания наличия угрозы чрезвычайной ситуации);
- срочностью (вводится на определенный срок);
- определением комплекса ограничительных мер ведения предпринимательской деятельности, в т. ч. установление запрета на ее введение для некоторых видов предпринимательства;
- применением мер поддержки в отношении субъектов наиболее пострадавших отраслей [7, с. 16].

Оценивая указанные признаки, считаем необходимым поддержать некоторые из них: основания введения этого правового режима и его протекционистский характер. Что касается признака срочности, то, как мы уже писали ранее, его, хотя и резонно иметь в виду, но лишь в качестве факультативного. Отмечаемый И. В. Ершовой и А. Ю. Петраковым признак наличия ограничительных и запретительных мер для некоторых видов предпринимательства мы бы несколько смягчили. Считаем, что более правильным было бы говорить о необходимости приостановления (а не о запрете) и о видоизменении (а не ограничении) отдельных видов и условий осуществления предпринимательской деятельности, что ярко высвечивается при одновременном сравнении правового режима повышенной готовности и санкционного режима. Так, при введении режима повышенной готовности работа некоторых субъектов предпринимательской и приносящей доход деятельности неоднократно приостанавливалась или видоизменялась (например, организации, пре-

² Gesetz zur Verhütung und Bekämpfung von Infektionskrankheiten beim Menschen (Infektionsschutzgesetz – IfSG) vom 20. Juli 2000. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/ifsg/>.

order to eliminate the circumstances that served as the basis for their introduction, to ensure the protection of human and civil rights and freedoms and the constitutional system of the country. At the same time, the exercise of certain rights and freedoms may be suspended, in particular, through a moratorium on the withdrawal of funds held in deposits. As the operation of credit institutions is impossible in the territories where martial law or state of emergency has been imposed, the principal part of their functions is taken over by field institutions of the Bank of Russia.

The **high-alert regime** that is currently in effect functions somewhat differently. The rules of emergency legislation are also included in the Federal Law of December 21, 1994 No. 68-FZ ‘On Protection of the Population and Territories in Case of Emergencies Caused by Natural Disasters or Technological Accidents’¹, which establishes, among other things, general provisions on the high-alert legal regime imposed in connection with the COVID-19 pandemic. Article 4.1 of the above law (under Item 6b) defines **high-alert regime** as the regime of functioning of management bodies and forces of the unified state system of emergency prevention and recovery, which is introduced **upon the threat of emergency**.

While the COVID-19 challenge for human health is of paramount significance, the pressure it creates on the legal order is no less important. The European Parliamentary Research Service notes that this outbreak poses unprecedented institutional challenges for most affected EU countries and obliges governments to take severe measures affecting individuals’ rights, unparalleled since World War II. Even though constitutions of some member states include mechanisms that allow resorting to a state of emergency or legitimization of emergency legislation, the governments do not do this either for historical reasons or because of the institutional tradition [32, p.1]. For example, in Germany, the COVID-19 crisis was described as an ‘epidemic

¹ Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 1994. No. 35. Art. 3648.

situation of nationwide scale’ under the Law on Prevention and Control of Human Infectious Diseases (Law on Protection Against Infections) of July 20, 2000, which was supplemented with regulations allowing the Bundestag to declare an appropriate type of epidemic and to confer additional powers to the Federal Ministry of Health².

In Russian legal literature, it is stated that the **high-alert legal regime is characterized by**:

- the grounds of introduction (recognition of an emergency threat);
- the fixed-term validity (established for a certain period);
- a set of restrictive measures for businesses, including the prohibition of commercial activity for certain types of business;
- supportive measures for the entities of the most affected industries [7, p. 16].

Assessing these features, we find it necessary to support some of them: grounds for declaring this legal regime and its protectionist nature. As for the fixed-term validity, although it is reasonable to keep it in mind, as already discussed above, this feature is only an optional one. We would slightly moderate such a feature, mentioned by I. V. Ershova and A. Yu. Petrakov, as the presence of restrictive and prohibitive measures for some types of business. We deem it more appropriate to speak of the need to suspend (rather than ban) and modify (rather than restrict) certain types and conditions of business activity, which is clearly seen when the high-alert legal regime and sanctions are compared. Thus, when the high-alert regime was declared, the work of some business entities and income-yielding activities was repeatedly suspended or modified (for example, educational organizations introduced extra holidays, switched to

² Gesetz zur Verhütung und Bekämpfung von Infektionskrankheiten beim Menschen (Infektionsschutzgesetz – IfSG) vom 20. Juli 2000. Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/ifsg/>.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35, ст. 3648.

доставляющие образовательные услуги, вводили дополнительные каникулы, переходили на дистанционный режим работы, но им не запрещался, допустим, прием иногородних или иностранных студентов). В то же время именно санкционный режим характеризуется наличием запретов реализовывать отдельные направления предпринимательской деятельности.

Переходя далее к анализу особенностей проявления правового режима повышенной готовности в банковской системе России, согласимся со справедливым замечанием Е. Б. Лаутс о том, что текущая ситуация *на рынке банковских услуг* во многом уникальна, поскольку *он не только является объектом регулирования, но и используется в качестве средства для всей экономики*, в т. ч. в рамках традиционной функции кредитования пострадавших от кризиса отраслей экономики и граждан, а также и для того, чтобы обеспечить дистанционное банковское обслуживание по всем видам услуг. Учитывая это, можно предложить следующую классификацию законодательства, опосредующего правовой режим повышенной готовности в банковской деятельности:

1. **Блок норм, регламентирующих поддержку собственно банковского сектора**, к которым можно отнести:

- нормы банковского пруденциального регулирования и надзора, в т. ч. отсрочку или изменение требований к собственным средствам и нормативам; к системе управления кредитным риском, в т. ч. к минимальному размеру резервов; к проведению стресс-тестирования; к порядку осуществления проверок кредитных организаций¹;

- нормы, регламентирующие денежно-кредитную политику, в т. ч. изменение параметров учетной ставки, рефинансирования кредитных организаций; обязательного резервирования, операций на открытом рынке и др.

2. **Блок норм, регламентирующих поддержку граждан и бизнеса при посредничестве кредитных организаций**, к ним можно отнести: новые правила реструктуризации задолженности пострадавших от кризиса заемщиков банков; т. н. «кредитные каникулы» по

кредитам, получаемым пострадавшими от кризиса заемщиками на определенные цели и развитие системы дистанционного банковского обслуживания, которое в период «коронакризиса», в условиях социального разобщения, могло бы обеспечить получение клиентами всех банковских услуг дистанционно [11, с. 57].

Нормы правового режима повышенной готовности рассматривались нами подробно в работе [29, с. 6–14]. Мы пришли к выводам, что в условиях распространения коронавирусной инфекции законодательство и предпринимательская практика в России переживают фазу пертурбации. На этом фоне кредитные организации, как субъекты, чья деятельность в условиях дистанцирования и построения «полутораметровой экономики»² является логичным продолжением цифрового банкинга, трансформируются в проводников антикризисной политики государства. Подобное происходит и за рубежом, о чем свидетельствует, в частности, рост использования цифровых банковских приложений с момента введения локдаунов в Европе на 72 % [40].

Вместе с тем для повышения эффективности действия правового режима повышенной готовности необходимо:

- оптимизировать процесс дистанционного взаимодействия государственных органов, внебюджетных фондов и инфраструктурных субъектов между собой, а также с населением и бизнесом;

- провести ревизию сегмента функций системно значимых кредитных организаций, в частности освободить их от обязательного участия в сервисе быстрых платежей как партнеров частного проекта Банка России, ущемляющего развитие конкурентной цифровой банковской системы, но обязать их подключиться к мобильному приложению для самозанятых «Мой налог» в целях поддержки развития института самозанятых граждан, что имеет значение для всего российского государства;

- изменить формулу расчета налогооблагаемой базы по доходам от вкладов как произведение 1 млн 400 тыс. руб. и ключевой ставки Банка России;

¹ Информационное сообщение Банка России от 20 марта 2020 г. «Банк России утвердил меры по поддержке граждан, экономики и финансового сектора в условиях пандемии коронавируса» // Вестник Банка России. 2020. № 25.

² В Нидерландах призвали готовиться к «полутораметровой экономике». URL: <https://regnum.ru/news/2918169.html>.

remote work; however, they were not prohibited, for example, to recruit non-residents or international students). Meanwhile, this is exactly the sanctions regime that is characterized by prohibitions to implement specific business activities.

Proceeding to the discussion of the high-alert legal regime as being manifested in the banking system of Russia, we agree with the pertinent comment by E.B. Lautz about the current situation in the *banking market*, which is in many ways unique because *the market is not only subject to regulation but is also used as a means for the entire economy*, including within the traditional function of giving credits to crisis-affected economic sectors and citizens, and also to provide all types of remote banking services. Taking this into account, we can propose the following classification of legislation that mediates the high-alert legal regime in banking:

1. **A set of rules regulating the support provided for the banking sector itself**, which may include:

- the rules of banking prudential regulation and supervision, including the suspension or modification of the requirements to internal funds and standards; to the credit risk management system, including the minimum amount of reserves; to stress-testing; to the inspection procedure for credit institutions¹;

- the rules governing monetary policy, including changes in the discount rate parameters, credit institutions refunding; mandatory reserves, open market operations, etc.

2. **A set of rules regulating the support provided for citizens and businesses through the mediation of credit institutions**, which may include new rules for the refunding for crisis-affected bank borrowers; the so-called ‘repayment holiday’ for loans taken by crisis-affected borrowers for specific purposes, and the development of a remote banking services system, which during the

¹ The notification of the Bank of Russia ‘The Bank of Russia approved measures to support citizens, the economy and the financial sector during the coronavirus pandemic’ of March 20, 2020. *Bank of Russia Bulletin*. 2020. No. 25.

‘corona crisis’, under the conditions of social separation, could ensure that clients receive all banking services remotely [11, p. 57].

Due to the limited size of the research paper, please refer to the detailed discussion of the high-alert legal regime rules in our previous work [29, pp. 6-14]. Therein we came to a conclusion that in the context of the COVID-19 spread, Russian legislation and business practice are experiencing a phase of perturbation. Against this background, credit institutions (as entities whose activities, in the conditions of distancing and building of a ‘one-and-a-half-meter economy’², represent the consistent progression of digital banking) are transformed into agents of the state anti-crisis policy. Similar processes are also taking place globally, as evidenced by the growing use of digital banking applications since the lockdowns were declared in Europe (72% growth) [40].

To make the high-alert legal regime more effective, it is necessary:

- to switch as soon as possible to a full-fledged remote interaction of the state bodies, extra-budgetary funds and infrastructure entities between themselves and with the population and business;

- to revise the functions of systemically significant credit institutions and, in particular, to exempt them from mandatory engagement into the express payment service as partners of the private project of the Bank of Russia, which is detrimental to the development of a competitive digital banking system, but oblige them to sign in to the mobile application for the self-employed My Tax (*author’s note: direct translation from Russian*) to support the development of the self-employment institution, which is essential for the whole country;

- to change the formula for calculating the taxable base on dividend income as the product of 1 million 400 thousand rubles and the key interest rate of the Bank of Russia;

² In the Netherlands, they have called for preparing for a ‘one-and-a-half-meter economy’. Available at: <https://regnum.ru/news/2918169.html>.

– расширить функционал мобильного приложения «Мой налог» для компенсации доходов самозанятых граждан пропорционально их сокращению [28, с. 27];

– стандартизировать открытые банковские интерфейсы прикладного программирования, что обеспечит более богатую персонализацию в реальном времени.

Кроме этого, учитывая беспрецедентный характер режима повышенной готовности в целом, представляется необходимым установить в отношении него парламентский контроль и определить его объем.

Заметим, что подобные меры (обеспечение всеобъемлющего доступа малых предприятий и населения к цифровым услугам, объективизация критериев финансовой поддержки бизнеса, продуманное расширение налогооблагаемой базы) советуем к реализации вице-президент Всемирного банка по Восточной Азии и Тихоокеанскому региону Victoria Kwakwa [38].

Что же касается собственно *особенностей правового режима повышенной готовности*, то, еще раз подчеркнем, что, в отличие от санкционного режима, он не отменяет, а лишь видоизменяет или приостанавливает действие отдельных норм базового правового режима банковской деятельности. Например, инструмент «кредитные каникулы» подразумевает возможность заемщиков инициировать изменения условий кредитного договора, что означает приостановление исполнения заемщиком на определенный срок своих обязательств либо уменьшение размера платежей в течение льготного периода¹. Сходство обоих экстраординарных правовых режимов состоит в том, что их нормы в обязательном порядке распространяются на субъектов банковской деятельности, в отличие от обычных правовых режимов, переход на которые осуществляется добровольно. Кроме того, оба режима вводятся в целях защиты сложившихся отношений, в т. ч. в том понимании, которое присуще правовым порядкам иностранных государств и их союзов.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа: Федер. закон от 3 апр. 2020 г. № 106-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 14, ст. 2036.

Санкционный правовой режим банковской деятельности

Как считает А.Р. Романова, под **санкционным режимом предпринимательской деятельности** следует понимать совокупность правил, устанавливаемых государством с целью привлечения другого государства к ответственности за предполагаемое международно-правовое нарушение или в целях реализации внешней политики [1, с. 214]. Представляется, что данное определение резонно дополнить указанием на форму выражения таких правил (принудительные меры ограничительного характера) и срочный характер их установления, вместе с тем потенциально тяготеющий к неоднократному продлению.

Применительно к банковской системе России особый интерес представляют *персональные, секторальные санкции и т. н. «Крымский пакет»*, введенные ЕС и США в 2014 году в связи с присоединением Крыма и дестабилизацией ситуации на Востоке Украины. В дальнейшем ограничительные меры были расширены в связи с обвинениями России в применении химоружия в британском Солсбери, инцидентом в Керченском проливе, поддержкой Венесуэлы и др. Указанное говорит о такой яркой *отличительной особенности санкционного режима*, как его *возникновение вне зависимости от воли и желания российского законодателя и правоприменителя*.

Рассмотрим характер проявления этого режима в банковской системе России подробнее.

Персональные санкции (или, иначе, «блокирующие») были введены в отношении нескольких банков (АО АБ «Россия», АО «СМП Банк») и выразились в остановке обслуживания эмитированных этими банками банковских карт международных платежных систем Visa и MasterCard, а также в запрете проводить с указанными банками все операции [5, с. 13]. В дальнейшем список таких банков постоянно расширялся (в основном США) и по состоянию на 10 декабря 2020 г. в него помимо вышеперечисленных банков включены: РНКБ Банк (ПАО), ПАО АКБ «РФА», «Инвестиционный Республиканский Банк» (ООО), АО «Генбанк», ПАО МАБ «Темпбанк», АО «Севастопольский морской банк», ПАО «Крайинвестбанк», ПАО КБ «Верхневолжский», ПАО «Мособлбанк»,

– to expand the functionality of My Tax mobile application to compensate for the income of self-employed people in proportion to their reduction [28, p. 27];

– to standardize open banking application programming interfaces (APIs), which will improve real-time customization.

Moreover, given the unprecedented nature of the high-alert regime in general, it would be necessary to establish parliamentary control over it and determine its scope.

It is reasonable to add that similar measures (overall access of small businesses and the public to digital services, the manifestation of the financial support criteria for businesses, and deliberate tax base expansion) are recommended by Victoria Kwakwa, Vice President of the World Bank for East Asia and the Pacific [38].

As to the *features of the high-alert legal regime*, we repeatedly emphasize that, unlike the sanctions regime, it does not cancel but only modifies or suspends the operation of particular rules of the basic legal regime of banking. For example, the tool ‘repayment holiday’ involves the possibility for borrowers to initiate changes to the terms of the credit agreement, which means the suspension of the borrower’s performance of their obligations for a certain period or lower payments during the grace period¹. Both of the extraordinary legal regimes are similar in that their rules are mandatory for banking entities, contrary to ordinary legal regimes, transition to which is a voluntary option. Furthermore, both regimes are introduced to protect the existing relations, including in the understanding inherent in the legal orders of world countries and their unions.

¹ Federal Law No. 106-FZ ‘On Introducing Amendments to the Federal Law ‘On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)’ and to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Concerning the Specifics of Modifying Credit and Loan Agreements’ of April 3, 2020. *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2020. No 14. Art. 2036.

Sanctions Legal Regime of Banking

According to A. R. Romanova, the **sanctions regime of business activity** should be understood as a set of rules established by the state to bring another state to responsibility for an alleged violation of international law or external policy implementation [1, p. 214]. This definition is reasonable to modify through specifying the form of their manifestation (coercive measures of a restrictive nature) and their fixed-term nature, potentially tending to consecutive extensions.

With regard to the Russian banking system, of particular interest are *personal, sectoral sanctions and the so-called Crimean package* imposed by the EU and the United States in 2014 after the annexation of Crimea and the disruption of the situation in Eastern Ukraine. The restrictive measures were expanded later in the wake of accusing Russia of using chemical weapons in Salisbury (UK), the Kerch Strait incident, support for Venezuela, etc. This indicates a *distinctive feature of the sanctions regime – it emerges regardless of the will and desire of Russian legislators and law enforcers*.

Let us consider in more detail how this regime is manifested in the Russian banking system.

Personal sanctions (or ‘blocking sanctions’) were imposed on several banks (Russia JSC JSB, SMP Bank JSC) and expressed in terminated service of Visa and MasterCard bank cards issued by these banks, a ban on all transactions with these banks [5, p.13]. Further on the list of such banks was constantly extended (mainly by the United States), and as of December 10, 2020, in addition to the above banks, it included RNKB Bank PJSC, RFA PJSC JSCB, Investment Republican Bank LLC, Genbank JSC, Tempbank MAB PJSC, Sevastopol Marine Bank JSC, Krayinvestbank PJSC, Verkhnevolzhsky PJSC CB, Mosoblbank PJSC,

АО КБ «ИС Банк», АО КБ «Рублев», АО «Черноморский банк развития и реконструкции», АО КБ «Северный Кредит», АО «Банк Таатта», ООО «Банк «Центр международных расчетов», ПАО «Банк ВВБ», АО АКБ «Еврофинанс Моснарбанк», НКО «Русское финансовое общество» (ООО) – всего 20¹. По сути, эти кредитные организации должны изменить географию своего бизнеса, так как больше не могут осуществлять трансграничные операции.

Секторальные санкции, действующие с 2014 года, содержат:

– запреты Европейского союза в отношении осуществления с российскими государственными и квазигосударственными банками (ПАО Сбербанк, Банк ВТБ (ПАО), АО Газпромбанк, ВЭБ.РФ, АО Россельхозбанк, а также с дочерними банками с долевым участием данных материнских организаций более 50%, не входящих в ЕС) выпуска, покупки и торговли на международных рынках акциями и иными финансовыми инструментами денежного рынка сроком обращения свыше 90 дней, а также прямого или непрямого участия европейских компаний или банков в соглашениях о предоставлении вышеуказанным российским банкам новых займов или кредитов на срок, превышающий 30 дней;

– запреты США на осуществление с вышеуказанными банками и их дочерними кредитными организациями, а также с АКБ «Банк Москвы», АО «Российский экспортно-импортный банк», АО «Глобэксбанк», АО «Всероссийский банк развития регионов», ПАО «Проминвестбанк», АО «МСП Банк», ПАО «АКБ «Связьбанк», АО АКБ Новикомбанк, ООО НКО «Яндекс.Деньги», ОА «БМ-Банк», АО «Кредит Урал Банк», АО «Сургутнефтегазбанк» операций по предоставлению финансирования на срок более чем 14 дней, а также запрет на проведение всех транзакций с новыми акциями, собственностью или долями в собственности названных банков.

Кредитные организации, попадающие под секторальные санкции, лишившись возможности выходить на долговые рынки США и Европы, вместе с тем могут проводить свои трансграничные платежи и платежи своих клиентов.

Кроме этого, запреты в привлечении долгового финансирования не распространяются на привлечение займов у банков и инвесторов на срок менее 30 дней (для санкций ЕС) и 14 дней (для санкций США).

В руководстве в отношении санкций Европейского союза разъясняется, что любые варианты обхода финансовых санкций тщательно отслеживаются. И, к примеру, в феврале 2020 года Управление по осуществлению финансовых санкций вынесло в отношении *Standard Chartered Bank* штраф в размере 20,4 млн фунтов стерлингов в связи с предоставлением кредитов *Denizbank A.*, в то время полностью принадлежащем Сбербанку, в нарушение санкций ЕС в отношении займов и кредитов.

Учитывая степень огосударствления банковской системы России посредством введения ограничительных мер, ее добрая половина оказалась под санкциями. Хотя секторальные санкции и не носят всеобъемлющего характера, их введение вызывает негативные цепные последствия. Прежде всего речь идет об изменении условий ведения бизнеса с российским финансовым сектором в целом, удлинении сроков исполнения платежей, пристальном внимании к структуре кредитного портфеля российских банков. Произошел отказ от многих намеченных программ сотрудничества: страны-члены ЕС просили Европейский инвестиционный банк приостановить финансирование новых операций с Россией, а также согласились координировать свои позиции в Европейском банке реконструкции и развития с аналогичной целью². Косвенно санкции наносят ущерб российским физическим и юридическим лицам, не попавшим ни в один санкционный список [37]. Все это обуславливает давление на курс рубля, влечет повышение процентных ставок, инфляционных рисков и усиливает и без этого чрезвычайно высокую роль Банка России на рынке банковских услуг [27, с. 73–83]. Значительная концентрация ресурсов в государственных банках и вовлечение Банка России в рефинансирование банковской системы через множественные инструменты угрожают макроэкономической стабильности [19, с. 96].

² Официальный сайт Совета Европейского союза. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/ukraine-crisis/>.

IS Bank JSC CB, Rublev JSC CB, Black Sea Bank for Development and Reconstruction JSC, Northern Credit JSC CB, Bank Taatta JSC, Center for International Settlements Bank LLC, Bank VVB PJSC, Eurofinance Mosnarbank JSC JSCB, Russian Financial Society NCO (LLC) – the total of 20 banks¹. In fact, these credit institutions have to their business geography since they can no longer perform cross-border transactions.

Sectoral sanctions, which have been in force since 2014, include:

– the European Union bans on transactions with the Russian state and quasi-state banks (Sberbank, VTB Bank, Gazprombank, RF Vnesheconombank, Rosselkhozbank JSC, and non-EU subsidiary banks with over 50% parent share) concerning release, purchase and trade in stocks and other financial and monetary instruments in the international market if their maturity is over 90 days, as well as direct or indirect participation of European companies or banks in agreements for giving new loans or credits to the above listed Russian banks for a period exceeding 30 days;

– US bans on transactions with the above listed banks and their credit subsidiaries, additionally including Bank of Moscow JSCB, Russian Export and Import Bank JSC, Globexbank JSC, Russian National Bank for Regional Development JSC, Prominvestbank PJSC, SME Bank JSC, JSCB Svyaz-Bank PJSC, JSCB Novikombank JSC, NCO Yandex Money LLC, BM-Bank JSC, Credit Ural Bank JSC, Surgutneftegazbank JSC, to provide financing for a period over 14 days, and the ban on all transactions with new stocks, property or property shares of these banks.

Credit institutions under the sectoral sanctions, although having lost the opportunity to enter the debt markets of the United States and Europe, are still able to make their own cross-border payments and payments of their clients. In addition, the bans on attracting leverage financing do not apply to attracting loans from banks and investors

¹ Available at: <https://www.rbc.ru/politics/24/11/2020/5bffb0f09a79470ff5378627>.

for less than 30 days (under the EU sanctions) and 14 days (under the US sanctions).

The European Union Sanctions Guide explains that any attempts to circumvent financial sanctions are under tight supervision. *For example, in February 2020, the Financial Sanctions Enforcement Authority issued a fine in the amount of 20.4 million pounds to be paid by the Standard Chartered Bank in connection with the loans given to Denizbank A., at that moment fully owned by Sberbank, in violation of the EU sanctions on credits and loans.*

Given the degree of nationalization of the Russian banking system, due to the restrictive measures introduced, a good half of it fell under sanctions. Although sectoral sanctions are not comprehensive, their introduction has adverse chain effects. First of all, this is about the changing conditions of doing business with the Russian financial sector as a whole, longer payment delivery terms and tighter supervision over the structure of Russian banks' credit portfolio. There was a rejection of many planned cooperation programs: the EU member countries asked the European Investment Bank to suspend funding for new transactions with Russia and also agreed to coordinate their positions with the European Bank for Reconstruction and Development (EBRD) for a similar purpose². The sanctions cause indirect damage to Russian individuals and legal entities that are not included in any sanctions lists [37]. As a result, all this causes pressure on the ruble exchange rate, leads to the growth of the interest rates and inflation risks, and reinforces the already decisive role of the Bank of Russia in the banking services market [27, pp. 73–83]. A significant concentration of resources in state-owned banks and the involvement of the Bank of Russia in the refinancing of the banking system through multiple tools are threatening macroeconomic stability [19, p. 96].

² Official website of the Council of the European Union. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/ukraine-crisis/>.

¹ URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/11/2020/5bffb0f09a79470ff5378627>.

Следует сказать, что отдельные банки, попавшие в санкционный список, в частности ПАО Сбербанк, Банк ВТБ (ПАО) и ВЭБ.РФ подавали заявления в Суд Европейского союза об отмене наложенных на них санкций, но не получили удовлетворения. Эксперты полагают, что у других фигурантов российского санкционного списка также нет шансов на исключение из него в судебном порядке. Преодолеть неблагоприятные последствия наложенных ограничений возможно посредством выполнения требований Европейского союза или политических переговоров на высшем уровне [6, с. 88]. Однако, учитывая, что даже зарубежные исследователи отмечают выработку российскими активами определенного иммунитета по отношению к санкциям [43, р. 33] и в целом их недостаточно значительные экономические последствия для того, чтобы повлиять на российскую политику [45] (несмотря на потерю 50 млрд долл. с 2014 по 2019 г., о чем сказал Владимир Путин)¹, все же в обозримой перспективе вряд ли стоит рассчитывать на их отмену.

Что касается *Крымского пакета* санкций, то они распространяются на Крым и Севастополь и заключаются в ограничениях **на торговлю, инвестиции, использование технологий и др.** Для банковской системы значение здесь имеют и обозначенные выше персональные санкции. Давление, в частности, заключается в следующем.

Вместе с исходом из региона в 2014 году украинских банков в Крыму прекратили работу международные платежные системы: Visa, MasterCard, PayPal, а также Western Union. Больше полугода карточные транзакции вообще не проводились, затем постепенно клиенты стали переходить на национальную платежную карточную систему «Мир». С переводом в 2015 году всех внутрироссийских транзакций Visa и MasterCard на процессинг АО «НСПК» в Крыму стало возможно использовать платежные карты, эмитированные российскими банками, за исключением крымских. Однако карты иностранных банков, платежи по которым обрабатываются за пределами РФ, дают сбой в проведении платежей. На смену Western Union пришли Unistream и Contact, но и они способны

переводить платежи лишь в масштабах страны. Ни один крупный российский государственный или частный банк не осуществляет свою деятельность в Крыму. Кроме того, крымские банки были исключены из системы SWIFT, что разрушило систему их трансграничных платежей. В Крыму невозможно расплатиться «телефоном», как это давно делают в крупных городах России. В частности, Apple Pay: мобильный платежный сервис, разработанный Apple Inc., который оцифровывает и заменяет банковскую карту в POS-терминалах, не работает в Крыму.

Более того, санкции ударили по внутрироссийским межбанковским отношениям, так как крымские банки (АО «АБ Россия», РНКБ Банк (ПАО), АО «Генбанк», АО «Севастопольский Морской банк», АО КБ «ИС Банк», ПАО «Крайинвестбанк», АО «Банк ЧБРР») оказались *persona non grata* и для отечественных кредитных организаций, которые из-за возможных осложнений в бизнесе не желают открывать им корреспондентские счета.

Проблему банковской изоляции региона пытаются решить с помощью активного внедрения цифровых технологий, в частности *посредством сервиса быстрых платежей Банка России*, к которому подключилась половина крымских банков, что в перспективе позволит гражданам и бизнесу стать клиентами крупных российских банков удаленно и решить проблему с доступностью финансовых услуг [10]. В то же время на ситуацию «здесь и сейчас» это практически не оказывает влияния, что позволяет говорить о том, что интеграция банковской системы Крыма в национальную банковскую систему России не состоялась. Следует сказать, что решение этой задачи отодвигается на неопределенный срок, так как и «на материковой» России переход на альтернативные карточным платежные системы находится в зачаточном состоянии. Учитывая законодательную ограниченность доступа финтех на отечественный рынок банковских услуг, создающую элементы протекционизма сервису быстрых платежей Банка России и исключаящую из конкурентной борьбы внешних провайдеров платежных услуг (в т. ч. и иностранных), радикальной трансформации платежного ландшафта в Российской Федерации ждать не приходится.

Noteworthy is that some of the banks included in the sanctions list, including Sberbank, VTB Bank (PJSC), and Russian Bank of Foreign Economic Activity (Vnesheconombank), lodged petitions to the Court of Justice of the European Union for lifting of sanctions imposed on them, but received rejections. Experts believe that the other entities from the sanctions list against Russia also have no chance of being excluded from the list through judicial procedures. The adverse consequences of the imposed restrictions could be overcome through meeting the requirements of the European Union or top-level political negotiations [6, p. 88]. However, it is unlikely to count on their cancellation in the foreseeable future, taking into account that even international researchers note some kind of immunity developed by Russian assets in response to the sanctions [43, p. 33] and, in general, their economic consequences being insufficiently significant to influence Russian policy [45] (despite the loss of \$ 50 billion between 2014 and 2019, which was mentioned by Vladimir Putin)¹.

As to the *Crimean package* of sanctions, they apply to the territory of Crimea and Sevastopol and include restrictions on trade, investment, the use of technology, etc. The above-mentioned personal sanctions are also crucial for the banking system here. The mechanism of pressure will be described below.

Along with the exodus of Ukrainian banks from the region in 2014, international payment systems such as Visa, MasterCard, PayPal and Western Union stopped working in Crimea. For more than six months, card transactions were not served at all. Later on, clients gradually began to switch to MIR national payment card system. After in 2015 all domestic Visa and MasterCard transactions were transferred to NSPK JSC's processing, it became possible in Crimea to use payment cards issued by Russian banks, except for Crimean ones. However, payments with the use of cards of international banks that are processed outside the Rus-

sian Federation fail. Western Union was replaced by Unistream and Contact, but they also can only transfer payments on a national scale. No major Russian state-owned or private bank operates in Crimea. Moreover, Crimean banks were excluded from the SWIFT system, which destroyed their cross-border payments system. It is impossible to pay using a smartphone in Crimea in the same way as it has long been available in Russia's major cities. In particular, the mobile payment service Apple Pay, developed by Apple Inc., which digitizes and replaces bank cards in POS-terminals, does not work in Crimea.

Moreover, the sanctions have hit the domestic cross-bank relations, as Crimean banks (AB Russia JSC, RNKB Bank (PJSC), Genbank JSC, Sevastopol Marine Bank JSC, IS Bank CB JSC, PJSC Krayinvestbank, Bank of the Black Sea JSC) turned out to be 'persona non grata' for domestic credit institutions, which, due to possible business complications, do not want to open correspondent accounts for them.

Specialists are trying to solve the problem of the region's isolated banking by actively introducing digital technologies, in particular, through the *Bank of Russia's quick payment service* used by half of the Crimean banks at the moment, which in the future will allow people and businesses to become clients of large Russian banks remotely and solve the problem of financial services availability [10]. However, the 'here and now' situation is practically not affected by this fact, which means that the integration of the banking system of Crimea into the Russian national banking system has failed. It should be said that the solution to this problem is postponed for an indefinite period since on the 'mainland' of Russia the transition to alternative payment systems is also in embryo. A radical transformation of the payment landscape in the Russian Federation cannot be expected, given the legal limitations of FinTech access to the domestic banking market, those intended to create elements of protectionism for the Bank of Russia's quick payments service and to exclude external payment service providers (including global ones) from the competition.

¹ URL: https://1prime.ru/state_regulation/20190620/830091739.html.

¹ Available at: https://1prime.ru/state_regulation/20190620/830091739.html.

Банк России в связи с объявленными Европейским союзом и США санкциями проинформировал, что в случае необходимости он предпримет адекватные меры по поддержке кредитных организаций с целью защиты интересов их клиентов, вкладчиков и кредиторов¹. При этом, регулятор не раскрыл, в чем конкретно может выразиться такая поддержка. Предположим, что в качестве таковой используется предоставление Банком России валюты «чистым» банкам для ее дальнейшего перераспределения в системе.

Чтобы поддержать валютные расчеты, Банк России довольно быстро создал платежную карточную систему «Мир», а также систему передачи финансовых сообщений. Однако угроза отключения российских банков от системы SWIFT полностью не устранена. Метафорично можно сравнить отключение от SWIFT с остановкой в Москве работы метрополитена. Добраться до нужного места будет возможно (такси и др.), но в итоге маршруты станут и длиннее, и дороже, поэтому от каких-то поездов придется вовсе отказаться. В связи с этим Россия инициировала создание системы межбанковских финансовых телекоммуникаций в формате объединения БРИКС. Однако данный альтернативный проект не имеет четких планов своей реализации, что обусловлено как отсутствием стимулов в иных государствах к объединению для построения подобной системы, так и уровнем их технологических разрывов.

Санкционное давление на банковскую систему России, блокирующее трансграничный характер деятельности отдельных российских и всех крымских банков и ограничивающее доступ государственных и квазигосударственных кредитных организаций и их дочерних банков к первичным и вторичным рынкам капитала в Европейском союзе и США, не позволяет названным кредитным организациям осуществлять предпринимательскую деятельность в полном объеме. Потенциальные возможности в части удовлетворения потребностей граждан и бизнеса Республики Крым и города федерального значения Севастополя в услугах цифрового банкинга наталкиваются на правовые нормы,

ограничивающие структурную композицию национальной платежной системы узким кругом легальных операторов по переводу денежных средств, по существу – кредитными организациями². Полагаем, что внутренними силами одной лишь банковской системы Россия не сможет эффективно реализовать намеченные правовые цели, что указывает на необходимость разработки полноценного регуляторного окна для доступа в национальную платежную систему внешних провайдеров платежных услуг и перехода на альтернативные карточным платежные системы.

Выводы

1. Правовые режимы предпринимательской деятельности по критерию юридических свойств предлагается подразделять на обычные и экстраординарные. Экстраординарные правовые режимы преобладают над обычными правовыми режимами. Кроме этого, введение экстраординарных правовых режимов преследует отличные от обычных правовых режимов цели; в них заложена защитная функция.

К числу обычных правовых режимов следует относить специальные правовые режимы для отдельных отраслей или субъектов предпринимательства, экспериментальные и преференциальные правовые режимы. Признаками экстраординарных правовых режимов обладают правовые режимы военного и чрезвычайного положения, режим повышенной готовности и санкционный правовой режим. Экстраординарные правовые режимы возможно разделить на вводимые по воле суверенного государства (режим военного времени, чрезвычайного положения и режим повышенной готовности) и независимо от этой воли – санкционный правовой режим.

2. Правовой режим банковской деятельности представляет собой порядок осуществления кредитными организациями банковских операций, характеризующийся наличием особых запретов, ограничений и позитивных обязанностей, установленный в целях обеспечения стабильности банковской системы, защиты прав, интересов вкладчиков и кредиторов кредитных

In connection with the sanctions announced by the European Union and the United States, the Bank of Russia has informed that, if necessary, it will take adequate measures to support credit institutions in order to protect the interests of their customers, depositors and creditors¹. However, the regulator did not disclose how exactly this support can be manifested. We can assume that the Bank of Russia may provide ‘clean’ banks with currency for its further redistribution in the system.

To support currency payments, the Bank of Russia in a fairly short time developed the MIR payment card system and the system for transmitting financial messages. However, the threat of Russian banks being disconnected from the SWIFT system has not been eliminated. Metaphorically, the SWIFT cut-off can be compared to the metro shutdown in Moscow. Yes, it would still be possible to get to the destination (e.g. by taxi), but the route would become both longer and more expensive, so some trips would have to be rejected. In this regard, Russia has initiated a system of inter-bank financial telecommunications in the BRICS association format. However, there are no clear plans of its implementation, which is connected both with the lack of motivation in other BRICS countries to build such a system and with their technological gaps.

The sanctions pressure on the Russian banking system, which blocks the cross-border nature of the activities of some Russian and all Crimean banks and restricts the access of state and quasi-state credit institutions and their subsidiaries to the primary and secondary capital markets in the European Union and the United States, does not allow these credit institutions to perform business activities to the full scope. The potential capabilities to feed the demand of people and businesses of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol for digital banking services run against the legal norms, which reduce the range of the national payment system entities to a narrow circle of legal money transfer operators, which essentially act as credit institutions². We believe that Russia will not be able to effectively implement the intended legal goals based on the internal forces of the banking system alone. Thus, it is necessary to develop a full-fledged regulatory window for access of external payment service providers to the national payment system and transition to alternative (non-card) payment systems.

Conclusions

1. Based on the criterion of legal properties, legal regimes of business activity are suggested to classify into ordinary and extraordinary. Extraordinary legal regimes prevail over ordinary ones. Moreover, the introduction of extraordinary legal regimes pursues goals different from those of ordinary legal regimes; the former are characterized by a protective function.

Ordinary legal regimes include special legal regimes for individual industries or business entities, experimental, and preferential legal regimes. The distinctive features of extraordinary legal regimes can be seen in the martial law and emergency legal regimes, the high-alert regime, and the sanctions legal regime. Extraordinary legal regimes can be classified into those imposed according to the will of a sovereign state (a wartime regime, a state of emergency, and a high-alert regime) and those established regardless of this will – the legal regime of sanctions.

2. The legal regime of banking represents a banking operation procedure for credit institutions that is characterized by specific prohibitions, restrictions and positive obligations established to ensure the banking system stability, protect the rights of investors and creditors of credit

¹ Пресс-релиз Банка России от 30 июля 2014 г. «О деятельности российских банков, попавших под санкции ЕС и США». URL: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=30072014_102719if2014-07-30t10_21_54.htm.

² О национальной платежной системе: Федер. закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ. П. 1 ст. 11 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 27, ст. 3872.

¹ Press Release of Bank of Russia ‘On the Activity of Russian Banks Affected by EU and US sanctions’ of July 30, 2014. Available at: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=30072014_102719if2014-07-30t10_21_54.htm.

² Item 1 of Article 11 of the Federal Law No. 161-FZ ‘On the National Payment System’ of June 27, 2011. *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2011. No 27. Art. 3872.

организаций и противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и распространению оружия массового уничтожения. Этот режим имеет свойства ординарного, базового правового режима, постоянно распространяющего свое действие на субъектов банковской деятельности. Правовой режим банковской деятельности определяет характер правоспособности кредитных организаций как специальный.

В перечне его правил можно выделить правила осуществления банковских операций кредитных организаций, в т. ч. системообразующих, и эксклюзивные условия для квазибанков. Особые правила деятельности системообразующих кредитных организаций подчинены правовому режиму банковской деятельности в целом, в то время как деятельность ВЭБ.РФ одновременно «обрамляется» и нормами, противоположными ему, что видится не допустимым. Банковская деятельность кредитных организаций пересекается с деятельностью Банка России, однако правовые пределы такого пересечения не установлены.

3. Помимо базового правового режима в банковской системе России в настоящее время действуют следующие надстроечные правовые режимы: экспериментальный, санкционный и режим повышенной готовности, которые характеризуются неполнотой качества режима. Экспериментальный правовой режим является ординарным режимом, регламентирующим деятельность ограниченного круга субъектов в узкой области правоотношений (приостанавливая действие небольшой части норм базового правового режима банковской деятельности и при необходимости вводя в действие группу прототипов новых норм). Участие в экспериментальном правовом режиме для кредитных организаций является добровольным. Нормы экстраординарных правовых режимов в обязательном для субъектов банковской деятельности порядке замещают собой базовый правовой режим банковской деятельности (запрещая или изменяя его работу).

4. Экспериментальный правовой режим, по существу, является правовым средством совершенствования законодательства, поскольку служит целям правового режима банковской деятельности. Он дискретно и срочным образом регламентирует порядок осуществления

участниками эксперимента банковских операций с применением цифровых инноваций в целях их скорейшего правового оформления в рамках правового режима банковской деятельности и внедрения в практику. По отношению к правоспособности кредитных организаций данный режим является расширительным.

5. Правовые режимы военного и чрезвычайного положения вводятся на неопределенно срочный период времени, для устранения обстоятельств, послуживших основаниями их введения и обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина и защиты конституционного строя страны. При этом реализация отдельных прав и свобод человека и гражданина в банковской сфере может быть приостановлена, в частности, посредством введения моратория на снятие денежных средств, находящихся во вкладах. Ввиду невозможности функционирования кредитных организаций на территориях, где введено военное или чрезвычайное положение, основную часть их функций выполняют полевые учреждения Банка России.

Кроме того, длительные режимные ограничения (например, «заморозка» восстановления сбережений граждан советского периода) могут быть введены в государственных состояниях переходного периода вне взаимосвязи с чрезвычайным законодательством.

6. Правовой режим повышенной готовности введен в целях предупреждения возникновения чрезвычайной ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19. Применительно к банковской системе он включает две группы норм: первая регламентирует поддержку собственно банковского сектора, вторая характеризует поддержку граждан и бизнеса при посредничестве кредитных организаций. Надстраиваясь над базовым правовым режимом банковской деятельности, режим повышенной готовности срочным образом видоизменяет или приостанавливает действие его отдельных норм. В связи с тем, что режим повышенной готовности ограничивает правоспособность кредитных организаций, в нем предусмотрены меры дополнительной поддержки бизнеса.

7. Под санкционным правовым режимом банковской деятельности следует понимать совокупность принудительных правил ограничительного характера, устанавливаемых ино-

institutions, and prevent legalization of money laundering, financing of terrorism and proliferation of weapons of mass destruction (WMD). This regime has the properties of the ordinary, basic legal regime that permanently applies to banking entities. The legal regime of banking defines the nature of the legal capacity of credit institutions as special.

Among its rules, we can distinguish banking rules for credit institutions, including systematically significant ones, and exclusive conditions for quasi-banks. The specific rules for systemically significant credit institutions are subject to the legal regime of banking in general, while the operation of the Russian Bank of Foreign Economic Activity (Vnesheconombank) is simultaneously 'framed' by the norms opposite to the regime, which appears to be unacceptable. Banking activities of credit institutions intersect with the activities of the Bank of Russia; however, the legal limits of such intersection are not established.

3. In addition to the basic legal regime, in the banking system of Russia, there are currently operating experimental, sanctions and high-alert superstructural legal regimes, characterized by the incomplete set of features inherent in a regime. The experimental legal regime is an ordinary regime that regulates the activities of a limited number of entities in a narrow area of legal relations (suspending the effect of a small part of the norms of the basic legal banking regime and introducing a group of prototypes of new norms if necessary). Participation in the experimental legal regime is voluntary for credit institutions. The norms of extraordinary legal regimes replace the basic legal regime of banking (by banning or modifying its operation) on a mandatory basis.

4. The experimental legal regime is essentially a legal means of improving legislation since it ultimately serves the purposes of the legal regime of banking. It discretely regulates the procedure for the experiment participants when conducting banking operations with the use of digital innovations,

this regulation covering a fixed term; the ultimate purpose is to foster legal formalization of the named operations within the legal regime of banking and put them into practice. The experimental regime is expansive with regard to the legal capacity of credit institutions.

5. The legal regimes of martial law and state of emergency are introduced for an indefinite period of time to eliminate the circumstances that served as the basis for their introduction, to ensure the protection of human and civil rights and freedoms, to secure the country's constitutional system. Simultaneously, the enjoyment of certain human and civil rights and freedoms in the banking sector may be suspended, particularly through a moratorium on the withdrawal of funds held in deposits. As the operation of credit institutions is impossible in the territories where a martial law or emergency state has been imposed, the principal part of their functions is taken over by field institutions of the Bank of Russia.

In addition, long-term regime restrictions (for example, 'frozen' recovery of savings of the Soviet citizens) can be imposed in the country's transition periods, regardless of the relationship with the emergency legislation.

6. The high-alert legal regime has been introduced to prevent an emergency connected with the spread of the new COVID-19 infection. With regard to the banking system, it includes two groups of norms. One group regulates the support provided for the banking sector itself, while the other one covers the support provided for citizens and businesses through the mediation of credit institutions. The high-alert regime, being superstructural in relation to the basic legal regime of banking, modifies or suspends the operation of some norms of the latter for a fixed period. Since the high-alert regime restricts the legal capacity of credit institutions, it provides additional business support measures.

7. The sanctions legal regime of banking should be understood as a set of coercive rules of restrictive nature established by foreign countries

странными государствами или их союзами с целью привлечения другого государства к ответственности за предполагаемое или реальное международно-правовое нарушение, а также в целях реализации внешней политики. Он имеет срочный характер, однако потенциально тяготеющий к неоднократному продлению. В банковской системе России санкционный режим проявляется в блокировании транснационального характера деятельности отдельных банков, ограничении доступа к первичным и вторичным рынкам капитала ЕС и США для государственных банков и их дочерних кредитных организаций, а также в эмбарго Крыма. Санкционный правовой режим сдерживает развитие кредитных организаций и не позволяет интегрировать банковскую деятельность в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе в национальную банковскую систему.

8. Правовые режимы банковской деятельности требуют дальнейшего совершенствования: необходимо устранить противоречие между экономической составляющей банковской деятельности и правовым запретом на ее совмещение с торговой деятельностью, противоречие между задачей повышения конкурентоспособности и глобального значения банковской системы России и запретом на открытие в ней филиалов иностранных банков, законодательно закрепить общие правила выхода Банка России на рынок банковских услуг (исключив из круга лиц, кредитовать которые он вправе государственные корпорации), доработать правила участия Банка России в капиталах организаций; распространить категорию «деловая репутация» на лиц, замещающих должности в органах управления Банком России; провести мониторинг в части осуществления Банком России функций мегарегулятора; сформулировать общие подходы к созданию и функционированию квазибанков, провести ревизию спектра функций системно значимых кредитных организаций, законодательно регламентировать механизм bail-in в целях совершенствования института банкротства кредитных организаций, установить парламентский контроль над режимом повышенной готовности, дополнить структурную композицию национальной платежной системы внешними провайдерами платежных услуг, тем самым устранив правовые барьеры для дальнейшей цифровизации банковского

сектора и преодоления дискретности функционирования банков в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе.

Библиографический список

1. *Актуальные проблемы российского права: учебник* / отв. ред. И. В. Ершова. М.: Проспект, 2021. 448 с.
2. *Административное право: учебник* / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. 4-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2009. 926 с.
3. *Бандорин А. Е.* Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности в России: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 30 с.
4. *Банковское право: учебник для бакалавров* / Д. Г. Алексеева, А. Г. Гузнов, Л. Г. Ефимова и др.; отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 608 с.
5. *Васильева Е. Г.* Проблемы и пути совершенствования платежной системы «Мир» // *Налоги*. 2020. № 4. С. 12–16.
6. *Гландин С. В.* Европейское право ограничительных мер после первых российских дел в Суде Европейского союза // *Международное правосудие*. 2017. № 2. С. 80–93. DOI: 10.21128/2226-2059-2017-2-80-93.
7. *Ершова И. В., Петраков А. Ю.* Режим повышенной готовности в системе правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности // *Lex Russica*. 2020. № 9. С. 13–16. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.009-020.
8. *Ефремов А. А.* Специальные правовые режимы для проведения экспериментов в государственном управлении // *Конституционализм и государствоведение*. 2019. № 2. С. 29–34.
9. *Кванина В. В.* Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 424. С. 234–240. DOI: 10.17223/15617793/424/33.
10. *Киреев А.* Банковский сектор Крыма: в чем ущемлены жители полуострова. URL: <https://crimea.ria.ru/economy/20191119/1117640785/Bankovskiy-sektor-Kryma-v-chem-uschemleny-zhiteli-poluostrova.html>.
11. *Лаутс Е. Б., Мангасарян Э. Н.* «Коронакризис» и меры антикризисного регулирования рынка банковских услуг: правовые про-

or their unions to hold another country accountable for any alleged or actual violation of international law, as well as for the purposes of international policy. It is time-fixed, although potentially tending to consecutive extensions. In the Russian banking system, the sanctions regime is manifested in blocking the transnational nature of the activities of individual banks, restricting access to the primary and secondary capital markets of the EU and the United States for state-owned banks and their subsidiaries, and the embargo on the Crimea. The sanctions legal regime hinders the development of credit institutions and does not allow the integration of banking activities in the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol into the national banking system.

8. Legal regimes of banking require further improvement. It is necessary to eliminate the contradiction between the economic nature of banking and the legal ban on its combination with trade operations, the contradiction between the objective to improve the competitiveness and global significance of Russia's banking system and the ban on the opening of branches of international banks, to legally formalize standard rules for the Bank of Russia's entry to the market of banking services (excluding state-owned corporations from the scope of entities it gives loans to), to modify the rules for the Bank of Russia's share in the capital of organizations; to extend the category of 'business reputation' to persons holding positions in the management bodies of the Bank of Russia; to monitor the implementation of the mega-regulation functions by the Bank of Russia; to formulate common approaches to the establishment and operation of quasi-banks, to audit the functions of systematically significant credit institutions, to regulate by law the bail-in mechanism in order to improve the bankruptcy system for credit institutions, to establish a parliamentary control over the high-alert regime, to complement the range of the national payment system entities with external payment services providers, thereby eliminating legal barriers for further digitalization of the bank-

ing sector and overcoming of the discrete (isolated) functioning of banks in the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol.

References

1. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava: uchebnik* / отв. ред. I. V. Ershova [Current Problems of Russian Law: textbook; ed. by I. V. Ershova]. Moscow, 2021. 448 p. (In Russ.).
2. *Administrativnoe pravo: uchebnik* / B. V. Rossinskiy, Yu. N. Starilov. 4-e izd., peresmotr. i dop. [Administrative Law: textbook; ed. by B. V. Rossinskiy, Yu. N. Starilov. 4th ed., revised and expanded]. Moscow, 2009. 926 p. (In Russ.).
3. *Bandorin A. E. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya predprinimatel'skoy deyatelnosti v Rossii: voprosy teorii i praktiki: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [The Mechanism of Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in Russia: Questions of Theory and Practice: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2011. 30 p. (In Russ.).
4. *Bankovskoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov* / D. G. Alekseeva, A. G. Guznov, L. G. Efimova i dr.; отв. ред. L. G. Efimova, D. G. Alekseeva. 2-e izd., peresmotr. i dop. [Banking Law: textbook for Bachelors; D. G. Alekseeva, A. G. Guznov, L. G. Efimova et al.; ed. by L. G. Efimova, D. G. Alekseeva. 2nd ed., revised and expanded]. Moscow, 2019. 608 p. (In Russ.).
5. *Vasil'eva E. G. Problemy i puti sovershenstvovaniya platezhnoy sistemy «Mir»* [MIR Payment System: Problems and Ways of Improving]. *Nalogi – Taxes*. 2020. Issue 4. Pp. 12–16. (In Russ.).
6. *Glandin S. V. Evropeyskoe pravo ograniчител'nykh mer posle pervykh rossiyskikh del v Sude Evropeyskogo soyuza* [European Law on Restrictive Measures after the First Russian Cases in the Court of Justice of the European Union]. *Mezhdunarodnoe pravosudie – International Justice*. 2017. Issue 2. Pp. 80–93. DOI: 10.21128/2226-2059-2017-2-80-93. (In Russ.).
7. *Ershova I. V., Petrakov A. Yu. Rezhim povyshennoy gotovnosti v sisteme pravovykh rezhimov osushchestvleniya predprinimatel'skoy deyatelnosti* [The High Alert Mode in the System of Legal Regimes for the Implementation of Entrepreneurial Activities]. *Lex Russica*. 2020. Issue 9. Pp. 13–16. (In Russ.).
8. *Efremov A. A. Spetsial'nye pravovye rezhimy dlya provedeniya eksperimentov v gos-*

блемы // Банковское право. 2020. № 3. С. 55–66. DOI: 10.18572/1812-3945-2020-3-55-6.

12. *Логика*: учебник / С. С. Гусев, Э. Ф. Катаев, Г. В. Карпов [и др.]; под ред. А. И. Мигунова, И. Б. Микиртумова, Б. И. Федорова. М.: Проспект, 2011. 680 с.

13. *Майдыхов А. Ф., Мелехин А. В.* Проблемы формирования законодательства об особых правовых режимах в Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 10. С. 95–106.

14. *Малько А. В., Лиманская А. П.* Специальный правовой режим как особое средство правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6. С. 120–124.

15. *Мохов А. А.* Правовые режимы осуществления экономической деятельности и саморегулирование предпринимательской или профессиональной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 4. С. 9–14.

16. *Мохов А. А.* Влияние санкционных режимов на гражданско-правовой процесс // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 33–39.

17. *Мохов А. А.* Экспериментальный правовой режим как специальный правовой режим для драйверов инновационной экономики // Юрист. 2019. № 8. С. 19–25. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-8-19-25.

18. *Олейник О. М.* Основы банковского права: Курс лекций. М.: Юристъ, 1997. 424 с.

19. *Пехтерева Е. А.* Влияние санкций на банковский сектор России // Экономические и социальные проблемы России. 2016. № 2. С. 95–107.

20. *Попов И. С.* Правовой механизм регулирования банковской деятельности: дис... канд. юрид. наук. М., 2000. 208 с.

21. *Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография* / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан и др.; отв. ред. Е. П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. 664 с.

22. *Предпринимательское право: современный взгляд: монография* / Е. А. Абросимова, В. К. Андреев, Е. Г. Афанасьева и др.; отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2019. 600 с.

23. *Раев В. М.* Деятельность финансовой службы Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны. М.: Финансы, 1996. С. 49–56.

24. *Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом* (22 апреля 2015 г., г. Москва): сб. науч.-практ. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2015. 214 с.

25. *Симановский А. Ю.* Банковское регулирование: революция // Деньги и кредит. 2014. № 3. С. 3–11.

26. *Тарасенко О. А.* Предпринимательская деятельность государственной корпорации «Внешэкономбанк» // Предпринимательское право. 2012. № 2. С. 32–35.

27. *Тарасенко О. А.* Предпринимательская активность Банка России // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 73–83. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.073-083.

28. *Тарасенко О. А.* Антикризисная финансовая поддержка 2020 года сквозь призму «Банк-клиент» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7. С. 18–28. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.71.7.018-028.

29. *Тарасенко О. А., Лайтс Е. Б.* Правовое регулирование деятельности самозанятых граждан в системе антикризисных мер по борьбе с коронавирусной инфекцией // Право и экономика. 2020. № 4. С. 5–15.

30. *Татаринцев С. В.* Свята... Последняя воля солдата. К вопросу о вкладах военнослужащих в 1941–1945 годах // Деньги и кредит. 2016. № 6. С. 13–23.

31. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. 180000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт: ДОМ. XXI век, 2009. 1239 с.

32. *Binder K., Creco M. D., Eckert G., Kotanidis S., Malko R., Del Monte M.* States of emergency in response to the coronavirus crisis: Situation in certain Member States. European Parliamentary Research Service. June 2020. 12 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649408/EPRS_BRI\(2020\)649408_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649408/EPRS_BRI(2020)649408_EN.pdf).

33. *Global Experiences from Regulatory Sandboxes.* Fintech Note; N. 8 Washington, D.C. World Bank Group. 2020. 71 p. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/912001605241080935/pdf/Global-Experiences-from-Regulatory-Sandboxes.pdf>.

34. *Chen C.* Regulatory Sandboxes in the UK and Singapore: A Preliminary Survey (September 6, 2019). Regulating FinTech in Asia: Global Context, Local Perspectives (Mark Fenwick, Steven

darstvennom upravlenii [Special Legal Regimes for Conducting Experiments in Public Administration]. *Konstitutsionalizm i gosudarstvovedenie – Constitutionalism and Political Science*. 2019. Issue 2. Pp. 29–34. (In Russ.).

9. *Kvanina V. V.* *Ponyatie i vidy pravovykh rezhimov predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [The Concept and Types of Legal Regimes of Entrepreneurial Activities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 2017. Issue 424. Pp. 234–240. DOI: 10.17223/15617793/424/33. (In Russ.).

10. *Kireev A.* *Bankovskiy sektor Kryma: v chem ushchemleny zhiteli poluostrova* [Banking Sector of Crimea: What the Residents of the Peninsula Are Deprived of]. Available at: <https://crimea.ria.ru/economy/20191119/1117640785/Bankovskiy-sektor-Kryma-v-chem-uschemleny-zhiteli-poluostrova.html>. (In Russ.).

11. *Lauts E. B., Mangasaryan E. N.* «Korona-krizis» i mery antikrizisnogo regulirovaniya rynka bankovskikh uslug: pravovye problemy [The ‘Corona Crisis’ and Measures of the Anti-Crisis Regulation of the Banking Services Market: Legal Issues]. *Bankovskoe pravo – Banking Law*. 2020. Issue 3. Pp. 55–66. DOI: 10.18572/1812-3945-2020-3-55-6. (In Russ.).

12. *Logika: uchebnik* / S. S. Gusev, E. F. Kataev, G. V. Karpov i dr.; pod red. A. I. Migunova, I. B. Mikirtumova, B. I. Fedorova [Logic: textbook; S. S. Gusev, E. F. Kataev, G. V. Karpov et al.; ed. by A. I. Migunov, I. B. Mikirtumov, B. I. Fedorov]. Moscow, 2011. 680 p. (In Russ.).

13. *Maydykov A. F., Melekhin A. V.* *Problemy formirovaniya zakonodatel'stva ob osobykh pravovykh rezhimakh v Rossiyskoy Federatsii* [Problems of the Formation of Legislation on Special Legal Regimes in the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2005. Issue 10. Pp. 95–106. (In Russ.).

14. *Mal'ko A. V., Limanskaya A. P.* *Spetsial'nyy pravovoy rezhim kak osoboe sredstvo pravovogo regulirovaniya* [Special Legal Regime as a Special Means of Legal Regulation]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii – Saratov State Law Academy Bulletin*. 2013. Issue 6. Pp. 120–124. (In Russ.).

15. *Mokhov A. A.* *Pravovye rezhimy osushchestvleniya ekonomicheskoy deyatel'nosti i samoregulirovanie predprinimatel'skoy ili profes-*

sional'noy deyatel'nosti [Legal Regimes for Conducting Economic Activities and Self-Regulation of Entrepreneurial or Professional Activity]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2015. Issue 4. Pp. 9–14. (In Russ.).

16. *Mokhov A. A.* *Vliyanie sanktsionnykh rezhimov na tsivilisticheskii protsess* [The Impact of Sanction Regimes on the Civil Process]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*. 2016. Issue 6. Pp. 33–39. (In Russ.).

17. *Mokhov A. A.* *Eksperimental'nyy pravovoy rezhim kak spetsial'nyy pravovoy rezhim dlya drayverov innovatsionnoy ekonomiki* [Experimental Legal Regime as a Special Legal Regime for Drivers of an Innovative Economy]. *Yurist – Jurist*. 2019. Issue 8. Pp. 19–25. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-8-19-25. (In Russ.).

18. *Oleynik O. M.* *Osnovy bankovskogo prava: kurs lektsiy* [Fundamentals of Banking Law: lecture course]. Moscow, 1997. 424 p. (In Russ.).

19. *Pekhtereva E. A.* *Vliyanie sanktsiy na bankovskiy sektor Rossii* [The Impact of Sanctions on the Russian Banking Sector]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii – Economic and Social Problems of Russia*. 2016. Issue 2. Pp. 95–107. (In Russ.).

20. *Popov I. S.* *Pravovoy mekhanizm regulirovaniya bankovskoy deyatel'nosti: diss. ... kand. jurid. nauk* [Legal Mechanism for Regulating Banking: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2000. 208 p. (In Russ.).

21. *Predprinimatel'skoe pravo Rossii: itogi, tendentsii i puti razvitiya: monografiya* / E. G. Afanas'eva, A. V. Belitskaya, V. A. Vaypan i dr.; отв. ред. Е. П. Губин [Entrepreneurial Law of Russia: Results, Trends and Development Paths: monograph; E. G. Afanas'eva, A. V. Belitskaya, V. A. Vaypan et al.; ed. by E. P. Gubin]. Moscow, 2019. 664 p. (In Russ.).

22. *Predprinimatel'skoe pravo: sovremennyy vzglyad: monografiya* / E. A. Abrosimova, V. K. Andreev, E. G. Afanas'eva i dr.; отв. ред. S. A. Karelina, P. G. Lakhno, I. S. Shitkina [Business Law: Modern View: monograph; E. A. Abrosimova, V. K. Andreev, E. G. Afanas'eva et al.; ed. by S. A. Karelina, P. G. Lakhno, I. S. Shitkina]. Moscow, 2019. 600 p. (In Russ.).

23. *Raev V. M.* *Deyatel'nost' finansovoy sluzhby Vooruzhennykh sil v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Operation of the Financial

Van Uytsel and Ying ed., Forthcoming, August 2020). URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3448901>.

35. Cornelli G., Doerr S., Gambarcorta L., Merrouche O. Inside the Regulatory Sandbox: Effects on Fintech Funding. Bis Working Papers. November 2020. 42 p. URL: <https://www.bis.org/publ/work901.htm>.

36. Grech C. A., Vella S. Malta: The Impact of Regulatory Sandboxes and Innovation Hubs in the FinTech Sphere. Mondaq. 15 October 2020. URL: <https://www.mondaq.com/fin-tech/994342/the-impact-of-regulatory-sandboxes-and-innovation-hubs-in-the-fintech-sphere>.

37. Johnston C. Sanctions against Russia: Evasion, Compensation and Overcompliance // European Union Institute for Security Studies. May 2015. Pp. 1–4. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep06881?seq=3#metadata_info_tab_contents.

38. Kwakwa V. How Asia Pacific can turn COVID crisis into an opportunity. January, 2021. URL: <https://blogs.worldbank.org/eastasiapacific/how-asia-pacific-can-turn-covid-crisis-opportunity>.

39. Making space for innovation. The handbook for regulatory sandboxes. Federal Ministry for Economic and Energy (BMWi), Germany. July, 2019. 85 p. URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Publikationen/Digitale-Welt/handbook-regulatory-sandboxes.pdf?__blob=publicationFile&v=2.

40. Moden N., Neufeld P. How COVID-19 has sped up digitalization for the banking sector. November, 2020. URL: https://www.ey.com/en_gl/financial-services-emeia/how-covid-19-has-sped-up-digitization-for-the-banking-sector.

41. Morscher L., Staub L. Fintech 2020. Switzerland. Law and Practice. URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/fintech-2020/switzerland>.

42. Nikolowa M. FCA Accept 22 business into cohort 6 of regulatory sandbox. July, 2020. URL: <https://financefeeds.com/fca-accepts-22-businesses-cohort-6-regulatory-sandbox/>.

43. Sanctions against Russia Current status, prospects, successes and gaps in the multilateral international sanction's regime against the Russian Federation. Kyiv. 2019. 48 p. URL: http://www.icps.com.ua/assets/uploads/images/files/t_sankcii_rf_a4_eng_final.pdf.

44. Quan D. A Few Thoughts on Regulatory Sandboxes. URL: <https://pacscenter.stanford.edu/a-few-thoughts-on-regulatory-sandboxes/>.

45. Welt C., Archick K., Nelson R. M., Renack D. E. U.S. Sanctions on Russia // Congressional Research Service. January 17, 2020. URL: <https://fas.org/srg/crs/row/R45415.pdf>.

References

1. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava: uchebnik / otv. red. I. V. Ershova [Current Problems of Russian Law: textbook; ed. by I. V. Ershova]. Moscow, 2021. 448 p. (In Russ.).

2. Administrativnoe pravo: uchebnik / B. V. Rossinskiy, Yu. N. Starilov. 4-e izd., peresmotr. i dop. [Administrative Law: textbook; ed. by B. V. Rossinskiy, Yu. N. Starilov. 4th ed., revised and expanded]. Moscow, 2009. 926 p. (In Russ.).

3. Bendorin A. E. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti v Rossii: voprosy teorii i praktiki: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk [The Mechanism of Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in Russia: Questions of Theory and Practice: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2011. 30 p. (In Russ.).

4. Bankovskoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov / D. G. Alekseeva, A. G. Guznov, L. G. Efimova i dr.; otv. red. L. G. Efimova, D. G. Alekseeva. 2-e izd., peresmotr. i dop. [Banking Law: textbook for Bachelors; D. G. Alekseeva, A. G. Guznov, L. G. Efimova et al.; ed. by L. G. Efimova, D. G. Alekseeva. 2nd ed., revised and expanded]. Moscow, 2019. 608 p. (In Russ.).

5. Vasil'eva E. G. Problemy i puti sovershenstvovaniya platezhnoy sistemy «Mir» [MIR Payment System: Problems and Ways of Improving]. Nalogi – Taxes. 2020. Issue 4. Pp. 12–16. (In Russ.).

6. Glandin S. V. Evropeyskoe pravo ograniчител'nykh mer posle pervykh rossiyskikh del v Sude Evropeyskogo soyuza [European Law on Restrictive Measures after the First Russian Cases in the Court of Justice of the European Union]. Mezhdunarodnoe pravosudie – International Justice. 2017. Issue 2. Pp. 80–93. DOI: 10.21128/2226-2059-2017-2-80-93. (In Russ.).

7. Ershova I. V., Petrakov A. Yu. Rezhim povyshennoy gotovnosti v sisteme pravovykh rezhimov osushchestvleniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti [The High Alert Mode in the System of Legal Regimes for the Implementation of Entre-

Service of the Armed Forces during the Great Patriotic War]. Moscow, 1996. Pp. 49–56. (In Russ.).

24. Sbornik nauchno-prakticheskikh statey II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom» (22 aprelya 2015 g., g. Moskva) / E. A. Abrosimova, V. K. Andreev, L. V. Andreeva i dr.; pod red. S. D. Mogilevskogo, M. A. Egorovoy [Collection of Scientific and Practical Articles of the II International Scientific and Practical Conference 'Actual Problems of Business and Corporate Law in Russia and Abroad' (April 22, 2015, Moscow); E. A. Abrosimova, V. K. Andreev, L. V. Andreeva et al.; ed. by S. D. Mogilevskiy, M. A. Egorova]. Moscow, 2015. 214 p. (In Russ.).

25. Simanovskiy A. Yu. Bankovskoe regulirovanie: reevolyutsiya [Banking Regulation: Revolution]. Den'gi i kredit – Russian Journal of Money and Finance. 2014. Issue 3. Pp. 3–11. (In Russ.).

26. Tarasenko O. A. Predprinimatel'skaya deyatel'nost' gosudarstvennoy korporatsii «Vneshekonombank» [Entrepreneurial Activity of the State Corporation 'Vneshekonombank']. Predprinimatel'skoe pravo – Entrepreneurial Law. 2012. Issue 2. Pp. 32–35. (In Russ.).

27. Tarasenko O. A. Predprinimatel'skaya aktivnost' Banka Rossii [Entrepreneurial Activity of the Bank of Russia]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law. 2020. Issue 6. Pp. 73–83. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.073-083. (In Russ.).

28. Tarasenko O. A. Antikrizisnaya finansovaya podderzhka 2020 goda skvoz' prizmu "Bank-klient" [Anti-Crisis Financial Support in 2020 through the Prism of 'Bank-Client']. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2020. Issue 7. Pp. 18–28. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.71.7.018-028. (In Russ.).

29. Tarasenko O. A., Lauts E. B. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti samozanyatykh grazhdan v sisteme antikrizisnykh mer po bor'be s koronavirusnoy infektsiyey [Legal Regulation of the Activities of Self-Employed Citizens in the System of Anti-Crisis Measures to Combat the Coronavirus Infection]. Pravo i ekonomika – Law and Business. 2020. Issue 4. Pp. 5–15. (In Russ.).

30. Tatarinov S. V. Svyata... Poslednyaya volya soldata. K voprosu o vkladakh voennosluzhashchikh v 1941–1945 godakh [Sacred Is the Last

Will of a Soldier. On the Question of Deposits of Military Personnel in 1941–1945]. Den'gi i kredit – Russian Journal of Money and Finance. 2016. Issue 6. Pp. 13–23. (In Russ.).

31. Ushakov D. N. Bol'shoy tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. 180000 slov i slovosochetaniy [The Big Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. 180,000 words and phrases]. Moscow, 2009. 1239 p. (In Russ.).

32. Binder K., Creco M. D., Eckert G., Kotanidis S., Malko R., Del Monte M. States of Emergency in Response to the Coronavirus Crisis: Situation in Certain Member States. European Parliamentary Research Service. June 2020. 12 p. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649408/EPRS_BRI\(2020\)649408_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649408/EPRS_BRI(2020)649408_EN.pdf). (In Eng.).

33. Chen C. Regulatory Sandboxes in the UK and Singapore: A Preliminary Survey (September 6, 2019). Regulating FinTech in Asia: Global Context, Local Perspectives; ed. by M. Fenwick, S. Van Uytsel and B. Ying. Forthcoming. August 2020. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3448901>. (In Eng.).

34. Cornelli G., Doerr S., Gambarcorta L., Merrouche O. Inside the Regulatory Sandbox: Effects on Fintech Funding. Bis Working Papers. November 2020. 42 p. Available at: <https://www.bis.org/publ/work901.htm>. (In Eng.).

35. Global Experiences from Regulatory Sandboxes. Fintech Note. Issue 8. Washington, D.C.: The World Bank Group, 2020. 71 p. Available at: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/912001605241080935/pdf/Global-Experiences-from-Regulatory-Sandboxes.pdf>. (In Eng.).

36. Grech C. A., Vella S. Malta: The Impact of Regulatory Sandboxes and Innovation Hubs in the FinTech Sphere. Mondaq. October 15, 2020. Available at: <https://www.mondaq.com/fin-tech/994342/the-impact-of-regulatory-sandboxes-and-innovation-hubs-in-the-fintech-sphere>. (In Eng.).

37. Johnston C. Sanctions against Russia: Evasion, Compensation and Overcompliance. European Union Institute for Security Studies. 2015. Available at: https://www.jstor.org/stable/resrep06881?seq=3#metadata_info_tab_contents. (In Eng.).

38. Kwakwa V. How Asia Pacific Can Turn COVID Crisis into an Opportunity. January 2021. Available at: <https://blogs.worldbank.org/eastasiapacific/how-asia-pacific-can-turn-covid-crisis-opportunity>. (In Eng.).

preneurial Activities]. *Lex Russica*. 2020. Issue 9. Pp. 13–16. (In Russ.).

8. Efremov A. A. *Spetsial'nye pravovye rezhimy dlya provedeniya eksperimentov v gosudarstvennom upravlenii* [Special Legal Regimes for Conducting Experiments in Public Administration]. *Konstitutsionalizm i gosudarstvovedenie – Constitutionalism and Political Science*. 2019. Issue 2. Pp. 29–34. (In Russ.).

9. Kvanina V. V. *Ponyatie i vidy pravovykh rezhimov predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [The Concept and Types of Legal Regimes of Entrepreneurial Activities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 2017. Issue 424. Pp. 234–240. DOI: 10.17223/15617793/424/33. (In Russ.).

10. Kireev A. *Bankovskiy sektor Kryma: v chem ushchemleny zhiteli poluostrova* [Banking Sector of Crimea: What the Residents of the Peninsula Are Deprived of]. Available at: <https://crimea.ria.ru/economy/20191119/1117640785/Bankovskiy-sektor-Kryma-v-chem-uschemleny-zhiteli-poluostrova.html>. (In Russ.).

11. Lauts E. B., Mangasaryan E. N. «Korona-krizis» i mery antikrizisnogo regulirovaniya rynka bankovskikh uslug: pravovye problemy [The 'Corona Crisis' and Measures of the Anti-Crisis Regulation of the Banking Services Market: Legal Issues]. *Bankovskoe pravo – Banking Law*. 2020. Issue 3. Pp. 55–66. DOI: 10.18572/1812-3945-2020-3-55-6. (In Russ.).

12. Logika: uchebnik / S. S. Gusev, E. F. Kataev, G. V. Karpov i dr.; pod red. A. I. Migunova, I. B. Mikirtumova, B. I. Fedorova [Logic: textbook; S. S. Gusev, E. F. Kataev, G. V. Karpov et al.; ed. by A. I. Migunov, I. B. Mikirtumov, B. I. Fedorov]. Moscow, 2011. 680 p. (In Russ.).

13. Maydykov A. F., Melekhin A. V. *Problemy formirovaniya zakonodatel'stva ob osobykh pravovykh rezhimakh v Rossiyskoy Federatsii* [Problems of the Formation of Legislation on Special Legal Regimes in the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2005. Issue 10. Pp. 95–106. (In Russ.).

14. Mal'ko A. V., Limanskaya A. P. *Spetsial'nyy pravovoy rezhim kak osoboe sredstvo pravovogo regulirovaniya* [Special Legal Regime as a Special Means of Legal Regulation]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii – Saratov State Law Academy Bulletin*. 2013. Issue 6. Pp. 120–124. (In Russ.).

15. Mokhov A. A. *Pravovye rezhimy osushchestvleniya ekonomicheskoy deyatel'nosti i samoregulirovanie predprinimatel'skoy ili professional'noy deyatel'nosti* [Legal Regimes for Conducting Economic Activities and Self-Regulation of Entrepreneurial or Professional Activity]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2015. Issue 4. Pp. 9–14. (In Russ.).

16. Mokhov A. A. *Vliyanie sanktsionnykh rezhimov na tsivilisticheskii protsess* [The Impact of Sanction Regimes on the Civil Process]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*. 2016. Issue 6. Pp. 33–39. (In Russ.).

17. Mokhov A. A. *Eksperimental'nyy pravovoy rezhim kak spetsial'nyy pravovoy rezhim dlya drayverov innovatsionnoy ekonomiki* [Experimental Legal Regime as a Special Legal Regime for Drivers of an Innovative Economy]. *Yurist – Jurist*. 2019. Issue 8. Pp. 19–25. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-8-19-25. (In Russ.).

18. Oleynik O. M. *Osnovy bankovskogo prava: kurs lektsiy* [Fundamentals of Banking Law: lecture course]. Moscow, 1997. 424 p. (In Russ.).

19. Pekhtereva E. A. *Vliyanie sanktsiy na bankovskiy sektor Rossii* [The Impact of Sanctions on the Russian Banking Sector]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii – Economic and Social Problems of Russia*. 2016. Issue 2. Pp. 95–107. (In Russ.).

20. Popov I. S. *Pravovoy mekhanizm regulirovaniya bankovskoy deyatel'nosti: diss. ... kand. jurid. nauk* [Legal Mechanism for Regulating Banking: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2000. 208 p. (In Russ.).

21. *Predprinimatel'skoe pravo Rossii: itogi, tendentsii i puti razvitiya: monografiya* / E. G. Afanas'eva, A. V. Belitskaya, V. A. Vaypan i dr.; otv. red. E. P. Gubin [Entrepreneurial Law of Russia: Results, Trends and Development Paths: monograph; E. G. Afanas'eva, A. V. Belitskaya, V. A. Vaypan et al.; ed. by E. P. Gubin]. Moscow, 2019. 664 p. (In Russ.).

22. *Predprinimatel'skoe pravo: sovremennyy vzglyad: monografiya* / E. A. Abrosimova, V. K. Andreev, E. G. Afanas'eva i dr.; otv. red. S. A. Karelina, P. G. Lakhno, I. S. Shitkina [Business Law: Modern View: monograph; E. A. Abrosimova, V. K. Andreev, E. G. Afanas'eva et al.; ed. by S. A. Karelina, P. G. Lakhno, I. S. Shitkina]. Moscow, 2019. 600 p. (In Russ.).

39. *Making Space for Innovation. The Handbook for Regulatory Sandboxes*. Federal Ministry for Economic and Energy (BMWi). Germany. July 2019. 85 p. Available at: https://www.bmw.de/Redaktion/EN/Publikationen/Digitale-Welt/handbook-regulatory-sandboxes.pdf?__blob=publication-File&v=2. (In Eng.).

40. Moden N., Neufeld P. How COVID-19 Has Sped up Digitalization for the Banking Sector. November 2020. Available at: https://www.ey.com/en_gl/financial-services-emeia/how-covid-19-has-sped-up-digitization-for-the-banking-sector. (In Eng.).

41. Morscher L., Staub L. *Fintech 2020*. Switzerland. Law and Practice. Available at: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/fintech-2020/switzerland>. (In Eng.).

42. Nikolowa M. FCA Accepts 22 Businesses into Cohort 6 of Regulatory Sandbox. July 2020. Available at: <https://financefeeds.com/fca-accepts-22-businesses-cohort-6-regulatory-sandbox/>. (In Eng.).

43. *Sanctions against Russia. Current Status, Prospects, Successes and Gaps in the Multilateral International Sanctions Regime against the Russian Federation*. Kyiv, 2019. 48 p. Available at: http://www.icps.com.ua/assets/uploads/images/file/s/t_sankcii_rf_a4_eng_final_pdf.pdf (In Eng.).

44. Quan D. A Few Thoughts on Regulatory Sandboxes. Available at: <https://pacscenter.stanford.edu/a-few-thoughts-on-regulatory-sandboxes/>. (In Eng.).

45. Welt C., Archick K., Nelson R. M., Rennack D. E. U.S. Sanctions on Russia. Congressional Research Service. January 17, 2020. Available at: <https://fas.org/srg/crs/row/R45415.pdf>. (In Eng.).

References in Russian

1. *Актуальные проблемы российского права: учебник* / отв. ред. И. В. Ершова. М.: Проспект, 2021. 448 с.

2. *Административное право: учебник* / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. 4-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2009. 926 с.

3. Бандорин А. Е. Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности в России: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 30 с.

4. *Банковское право: учебник для бакалавров* / Д. Г. Алексеева, А. Г. Гузнов, Л. Г. Ефи-

мова и др.; отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 608 с.

5. Васильева Е. Г. Проблемы и пути совершенствования платежной системы «Мир» // *Налоги*. 2020. № 4. С. 12–16.

6. Гландин С. В. Европейское право ограничительных мер после первых российских дел в Суде Европейского союза // *Международное правосудие*. 2017. № 2. С. 80–93. DOI: 10.21128/2226-2059-2017-2-80-93.

7. Еришова И. В., Петраков А. Ю. Режим повышенной готовности в системе правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности // *Lex Russica*. 2020. № 9. С. 13–16. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.009-020.

8. Ефремов А. А. Специальные правовые режимы для проведения экспериментов в государственном управлении // *Конституционализм и государство*. 2019. № 2. С. 29–34.

9. Кванина В. В. Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 424. С. 234–240. DOI: 10.17223/15617793/424/33.

10. Киреев А. Банковский сектор Крыма: в чем ущемлены жители полуострова. URL: <https://crimea.ria.ru/economy/20191119/1117640785/Bankovskiy-sektor-Kryma-v-chem-uschemleny-zhiteli-poluostrova.html>.

11. Лаутс Е. Б., Мангасарян Э. Н. «Коронакризис» и меры антикризисного регулирования рынка банковских услуг: правовые проблемы // *Банковское право*. 2020. № 3. С. 55–66. DOI: 10.18572/1812-3945-2020-3-55-6.

12. *Логика: учебник* / С. С. Гусев, Э. Ф. Катаев, Г. В. Карпов [и др.]; под ред. А. И. Мигунова, И. Б. Микиртумова, Б. И. Федорова. М.: Проспект, 2011. 680 с.

13. Майдыков А. Ф., Мелехин А. В. Проблемы формирования законодательства об особых правовых режимах в Российской Федерации // *Журнал российского права*. 2005. № 10. С. 95–106.

14. Малько А. В., Лиманская А. П. Специальный правовой режим как особое средство правового регулирования // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2013. № 6. С. 120–124.

15. Мохов А. А. Правовые режимы осуществления экономической деятельности и само-

23. Raev V. M. *Deyatel'nost' finansovoy sluzhby Vooruzhennykh sil v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Operation of the Financial Service of the Armed Forces during the Great Patriotic War]. Moscow, 1996. Pp. 49–56. (In Russ.).
24. *Sbornik nauchno-prakticheskikh statey II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom»* (22 aprelya 2015 g., g. Moskva) / E. A. Abrosimova, V. K. Andreev, L. V. Andreeva i dr.; pod red. S. D. Mogilevskogo, M. A. Egorovoy [Collection of Scientific and Practical Articles of the II International Scientific and Practical Conference 'Actual Problems of Business and Corporate Law in Russia and Abroad' (April 22, 2015, Moscow); E. A. Abrosimova, V. K. Andreev, L. V. Andreeva et al.; ed. by S. D. Mogilevskiy, M. A. Egorova]. Moscow, 2015. 214 p. (In Russ.).
25. *Simanovskiy A. Yu. Bankovskoe regulirovanie: reevolyutsiya* [Banking Regulation: Revolution]. *Den'gi i kredit – Russian Journal of Money and Finance*. 2014. Issue 3. Pp. 3–11. (In Russ.).
26. *Tarasenko O. A. Predprinimatel'skaya deyatel'nost' gosudarstvennoy korporatsii «Vneshekonombank»* [Entrepreneurial Activity of the State Corporation 'Vneshekonombank']. *Predprinimatel'skoe pravo – Entrepreneurial Law*. 2012. Issue 2. Pp. 32–35. (In Russ.).
27. *Tarasenko O. A. Predprinimatel'skaya aktivnost' Banka Rossii* [Entrepreneurial Activity of the Bank of Russia]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 2020. Issue 6. Pp. 73–83. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.073-083. (In Russ.).
28. *Tarasenko O. A. Antikrizisnaya finansovaya podderzhka 2020 goda skvoz' prizmu «Bank-klient»* [Anti-Crisis Financial Support in 2020 through the Prism of 'Bank-Client']. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2020. Issue 7. Pp. 18–28. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.71.7.018-028. (In Russ.).
29. *Tarasenko O. A., Lauts E. B. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti samozanyatykh grazhdan v sisteme antikrizisnykh mer po bor'be s koronavirusnoy infektsiey* [Legal Regulation of the Activities of Self-Employed Citizens in the System of Anti-Crisis Measures to Combat the Coronavirus Infection]. *Pravo i ekonomika – Law and Business*. 2020. Issue 4. Pp. 5–15. (In Russ.).
30. *Tatarinov S.V. Svyata... Poslednyaya volya soldata. K voprosu o vkladakh voennosluzhashchikh v 1941–1945 godakh* [Sacred Is the Last Will of a Soldier. On the Question of Deposits of Military Personnel in 1941–1945]. *Den'gi i kredit – Russian Journal of Money and Finance*. 2016. Issue 6. Pp. 13–23. (In Russ.).
31. *Ushakov D. N. Bol'shoy tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. 180000 slov i slovosochetaniy* [The Big Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. 180,000 words and phrases]. Moscow, 2009. 1239 p. (In Russ.).
32. *Binder K., Creco M. D., Eckert G., Kotanidis S., Malko R., Del Monte M. States of Emergency in Response to the Coronavirus Crisis: Situation in Certain Member States*. European Parliamentary Research Service. June 2020. 12 p. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649408/EPRS_BRI\(2020\)649408_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649408/EPRS_BRI(2020)649408_EN.pdf). (In Eng.).
33. *Chen C. Regulatory Sandboxes in the UK and Singapore: A Preliminary Survey* (September 6, 2019). *Regulating FinTech in Asia: Global Context, Local Perspectives*; ed. by M. Fenwick, S. Van Uytsel and B. Ying. Forthcoming. August 2020. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3448901>. (In Eng.).
34. *Cornelli G., Doerr S., Gambarcorta L., Merrouche O. Inside the Regulatory Sandbox: Effects on Fintech Funding*. Bis Working Papers. November 2020. 42 p. Available at: <https://www.bis.org/publ/work901.htm>. (In Eng.).
35. *Global Experiences from Regulatory Sandboxes*. Fintech Note. Issue 8. Washington, D.C.: The World Bank Group, 2020. 71 p. Available at: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/912001605241080935/pdf/Global-Experiences-from-Regulatory-Sandboxes.pdf>. (In Eng.).
36. *Grech C. A., Vella S. Malta: The Impact of Regulatory Sandboxes and Innovation Hubs in the FinTech Sphere*. Mondaq. October 15, 2020. Available at: <https://www.mondaq.com/fin-tech/994342/the-impact-of-regulatory-sandboxes-and-innovation-hubs-in-the-fintech-sphere>. (In Eng.).
37. *Johnston C. Sanctions against Russia: Evasion, Compensation and Overcompliance*. European Union Institute for Security Studies. 2015. Available at: https://www.jstor.org/stable/resrep06881?seq=3#metadata_info_tab_contents. (In Eng.).
38. *Kwakwa V. How Asia Pacific Can Turn COVID Crisis into an Opportunity*. January 2021. Available at: <https://blogs.worldbank.org/eastasia-regulating-prepreneurial-or-professional-activity>.
- регулирование предпринимательской или профессиональной деятельности // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2015. № 4. С. 9–14.
16. *Мохов А. А.* Влияние санкционных режимов на цивилистический процесс // *Вестник гражданского процесса*. 2016. № 6. С. 33–39.
17. *Мохов А. А.* Экспериментальный правовой режим как специальный правовой режим для драйверов инновационной экономики // *Юрист*. 2019. № 8. С. 19–25. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-8-19-25.
18. *Олейник О. М.* Основы банковского права: Курс лекций. М.: Юрист, 1997. 424 с.
19. *Пехтерева Е. А.* Влияние санкций на банковский сектор России // *Экономические и социальные проблемы России*. 2016. № 2. С. 95–107.
20. *Попов И. С.* Правовой механизм регулирования банковской деятельности: дис... канд. юрид. наук. М., 2000. 208 с.
21. *Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография* / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан и др.; отв. ред. Е. П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. 664 с.
22. *Предпринимательское право: современный взгляд: монография* / Е. А. Абросимова, В. К. Андреев, Е. Г. Афанасьева и др.; отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2019. 600 с.
23. *Раев В. М.* Деятельность финансовой службы Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны. М.: Финансы, 1996. С. 49–56.
24. *Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом* (22 апреля 2015 г., г. Москва): сб. науч.-практ. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2015. 214 с.
25. *Симановский А. Ю.* Банковское регулирование: реэволюция // *Деньги и кредит*. 2014. № 3. С. 3–11.
26. *Тарасенко О. А.* Предпринимательская деятельность государственной корпорации «Внешэкономбанк» // *Предпринимательское право*. 2012. № 2. С. 32–35.
27. *Тарасенко О. А.* Предпринимательская активность Банка России // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. № 6. С. 73–83. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.073-083.
28. *Тарасенко О. А.* Антикризисная финансовая поддержка 2020 года сквозь призму «Банк-клиент» // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2020. № 7. С. 18–28. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.71.7.018-028.
29. *Тарасенко О. А., Лаутс Е. Б.* Правовое регулирование деятельности samozanyatykh grazhdan в системе антикризисных мер по борьбе с коронавирусной инфекцией // *Право и экономика*. 2020. № 4. С. 5–15.
30. *Татаринов С. В.* Свята... Последняя воля солдата. К вопросу о вкладах военнослужащих в 1941–1945 годах // *Деньги и кредит*. 2016. № 6. С. 13–23.
31. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. 180000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт: ДОМ. XXI век, 2009. 1239 с.
32. *Binder K., Creco M. D., Eckert G., Kotanidis S., Malko R., Del Monte M. States of emergency in response to the coronavirus crisis: Situation in certain Member States*. European Parliamentary Research Service. June 2020. 12 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649408/EPRS_BRI\(2020\)649408_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649408/EPRS_BRI(2020)649408_EN.pdf).
33. *Global Experiences from Regulatory Sandboxes*. Fintech Note; N. 8 Washington, D.C. World Bank Group. 2020. 71 p. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/912001605241080935/pdf/Global-Experiences-from-Regulatory-Sandboxes.pdf>.
34. *Chen C. Regulatory Sandboxes in the UK and Singapore: A Preliminary Survey* (September 6, 2019). *Regulating FinTech in Asia: Global Context, Local Perspectives* (Mark Fenwick, Steven Van Uytsel and Ying ed., Forthcoming, August 2020). URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3448901>.
35. *Cornelli G., Doerr S., Gambarcorta L., Merrouche O. Inside the Regulatory Sandbox: Effects on Fintech Funding*. Bis Working Papers. November 2020. 42 p. URL: <https://www.bis.org/publ/work901.htm>.
36. *Grech C. A., Vella S. Malta: The Impact of Regulatory Sandboxes and Innovation Hubs in the FinTech Sphere*. Mondaq. 15 October 2020. URL: <https://www.mondaq.com/fin-tech/994342/the-impact-of-regulatory-sandboxes-and-innovation-hubs-in-the-fintech-sphere>.
37. *Johnston C. Sanctions against Russia: Evasion, Compensation and Overcompliance* // European Union Institute for Security Studies.

pacific/how-asia-pacific-can-turn-covid-crisis-opportunity. (In Eng.).

39. *Making Space for Innovation*. The Handbook for Regulatory Sandboxes. Federal Ministry for Economic and Energy (BMWi). Germany. July 2019. 85 p. Available at: https://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Publikationen/Digitale-Welt/handbook-regulatory-sandboxes.pdf?__blob=publicationFile&v=2. (In Eng.).

40. *Moden N., Neufeld P.* How COVID-19 Has Sped up Digitalization for the Banking Sector. November 2020. Available at: https://www.ey.com/en_gl/financial-services-emeia/how-covid-19-has-sped-up-digitization-for-the-banking-sector. (In Eng.).

41. *Morscher L., Staub L.* Fintech 2020. Switzerland. Law and Practice. Available at: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/fintech-2020/switzerland>. (In Eng.).

Информация об авторе:

О. А. Тарасенко, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права
Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
ORCID: 0000-0002-5699-1208
ResearcherID: V-5698-2017
Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-99-124
DOI: 10.1007/978-3-030-39319-9_15
DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_17

42. *Nikolowa M.* FCA Accepts 22 Businesses into Cohort 6 of Regulatory Sandbox. July 2020. Available at: <https://financefeeds.com/fca-accepts-22-businesses-cohort-6-regulatory-sandbox/>. (In Eng.).

43. *Sanctions* against Russia. Current Status, Prospects, Successes and Gaps in the Multilateral International Sanctions Regime against the Russian Federation. Kyiv, 2019. 48 p. Available at: http://www.icps.com.ua/assets/uploads/images/files/t_sankcii_rf_a4_eng_final_pdf.pdf (In Eng.).

44. *Quan D.* A Few Thoughts on Regulatory Sandboxes. Available at: <https://pacscenter.stanford.edu/a-few-thoughts-on-regulatory-sandboxes/>. (In Eng.).

45. *Welt C., Archick K., Nelson R. M., Renack D. E.* U.S. Sanctions on Russia. Congressional Research Service. January 17, 2020. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/R45415.pdf>. (In Eng.).

About the author:

O. A. Tarasenko
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 123995, Russia
ORCID: 0000-0002-5699-1208
ResearcherID: V-5698-2017
Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-99-124
DOI: 10.1007/978-3-030-39319-9_15
DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_17

May 2015. Pp. 1–4. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep06881?seq=3#metadata_info_tab_contents.

38. *Kwakwa V.* How Asia Pacific can turn COVID crisis into an opportunity. January, 2021. URL: <https://blogs.worldbank.org/eastasiapacific/how-asia-pacific-can-turn-covid-crisis-opportunity>.

39. *Making space for innovation*. The handbook for regulatory sandboxes. Federal Ministry for Economic and Energy (BMWi), Germany. July, 2019. 85 p. URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Publikationen/Digitale-Welt/handbook-regulatory-sandboxes.pdf?__blob=publicationFile&v=2.

40. *Moden N., Neufeld P.* How COVID-19 has sped up digitalization for the banking sector. November, 2020. URL: https://www.ey.com/en_gl/financial-services-emeia/how-covid-19-has-sped-up-digitization-for-the-banking-sector.

Информация об авторе:

О. А. Тарасенко, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права
Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
ORCID: 0000-0002-5699-1208
ResearcherID: V-5698-2017
Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-99-124
DOI: 10.1007/978-3-030-39319-9_15
DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_17

41. *Morscher L., Staub L.* Fintech 2020. Switzerland. Law and Practice. URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/fintech-2020/switzerland>.

42. *Nikolowa M.* FCA Accept 22 business into cohort 6 of regulatory sandbox. July, 2020. URL: <https://financefeeds.com/fca-accepts-22-businesses-cohort-6-regulatory-sandbox/>.

43. *Sanctions* against Russia Current status, prospects, successes and gaps in the multilateral international sanction's regime against the Russian Federation. Kyiv. 2019. 48 p. URL: http://www.icps.com.ua/assets/uploads/images/files/t_sankcii_rf_a4_eng_final_pdf.pdf.

44. *Quan D.* A Few Thoughts on Regulatory Sandboxes. URL: <https://pacscenter.stanford.edu/a-few-thoughts-on-regulatory-sandboxes/>.

45. *Welt C., Archick K., Nelson R. M., Renack D. E.* U.S. Sanctions on Russia // Congressional Research Service. January 17, 2020. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R45415.pdf>.

About the author:

O. A. Tarasenko
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 123995, Russia
ORCID: 0000-0002-5699-1208
ResearcherID: V-5698-2017
Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-99-124
DOI: 10.1007/978-3-030-39319-9_15
DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_17